

Елена Богатырёва

ИСПОВЕДЬ

Елена Богатырева

Исповедь

«Издательские решения»

Богатырева Е.

Исповедь / Е. Богатырева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855617-3

«Исповедь» — первая книга трилогии «Ловцы душ». В 60-е годы группа молодых людей, увлекающихся философией Николая Рериха, уехала на Алтай, стремясь достичь высокой духовности, просветления и просто сделать мир лучше. Одному из героев удастся получить таинственный знак, дарующий почти безграничные возможности. Но мечты о добре обернулись страшным злом... За этим могущественным символом начинается охота других членов экспедиции. Их дети через 25 лет сталкиваются с последствиями этой поездки...

ISBN 978-5-44-855617-3

© Богатырева Е.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Исповедь

Елена Богатырева

© Елена Богатырева, 2020

ISBN 978-5-4485-5617-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© **Елена Богатырева**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

**ЛОВЦЫ ДУШ
ИСПОВЕДЬ**

Аннотация

В 60-е годы группа молодых людей, увлекающихся философией Николая Рериха, уехала на Алтай, стремясь достичь высокой духовности, просветления и просто сделать мир лучше.

Одному из героев удастся получить таинственный знак, дарующий почти безграничные возможности. Но мечты о добре обернулись страшным злом... За этим могущественным символом начинается охота других членов экспедиции (один из которых волею судьбы спустя годы становится политиком, а другой – наркоторговцем).

Их дети через двадцать пять лет сталкиваются с последствиями этой поездки...

...Лариса работает фельдшером на «скорой». Неожиданно в ее жизнь вторгается череда странных событий: исчезает возлюбленный, находится мать, к которой Лариса чувствует необъяснимую неприязнь... И некому объяснить ей, что корни этих событий уходят в прошлое ее родителей...

Вся история составляет трилогию «Ловцы душ». Первый роман трилогии «Исповедь», второй – «Испытание» и третий – «Искушение».

Пролог

Назначение человека – есть подвиг.

Краткий вывод из философии Н.К.

Нина Анисимовна возвращалась домой разочарованная. Поездка оказалась на редкость утомительной, встреча со старой приятельницей – бессодержательной, сумбурной и в силу этого совсем неоправданной. Подруга погрязла в мелких бытовых сражениях с детьми и внуками, и жизнь за пределами этого круга утратила для нее всякое значение. Горизонты же интересов Нины Анисимовны простирались гораздо шире. В свои семьдесят, она с неподдельным интересом наблюдала как жизнь порой вкрадчиво и неторопливо, а иногда молниеносно и беспощадно, меняла общественные устои, взгляды, порядки, идеи. Ее волновали люди, которые будут жить в далеком завтра, куда ей уже не попасть: справятся ли они там без нее, сумеют ли отличить добро от зла?

Нина Анисимовна совершенно не зависела от детей – роскошь, которую не каждая ровесница может себе позволить. Конечно, приходилось работать, роскошь эта отнимала уйму сил, а взамен давала совсем немного: возможность ходить с гордо поднятой головой, не докучать молодежи жалобами на перемены самочувствия, а с гриппом бороться в одиночку с помощью баночки засахаренного варенья, по счастливой случайности завалившегося на полке. Вспоминая обиженное лицо подруги и все ее сетования, Нина Анисимовна только пожимала плечами. Зачем, спрашивается, докучать детям, вмешиваясь, вопреки их желанию, в их жизнь, когда вокруг столько людей, мечтающих, чтобы именно ты посоветовала, помогла, а то и решила бы их проблемы.

Подруга жила на окраине города. По одну сторону дома слепили городские огни, по другую чернела промзона, носившая до глупости высокопарное название – Парнас. Единственным видом транспорта здесь были юркие микроавтобусы, напичканные неудобными шаткими сидениями. Очередь на маршрутку показалась Нине Анисимовне бесконечной, но выбирать не приходилось, а потому она, вздохнув, пристроилась в хвост и тут же ступила в глубокую лужу, промочив ноги. Другой счел бы день окончательно испорченным, но Нина Анисимовна, напротив, решила, что теперь-то ей точно терять больше нечего, улыбнулась и расслабилась.

Очередь вела себя шумно и подвижно, потому что состояла в основном из молодых людей, совсем не умеющих ждать. Толпа покачивалась то вправо, то влево и, непонятно за счет чего, медленно продвигалась вперед. Первая маршрутка сократила очередь примерно вполовину. Во вторую явно не попасть, а вот в третью Нина Анисимовна рассчитывала сесть одой из первых. Но третья маршрутка пришла вместе со второй и все, позабыв приличия, и помня только о позднем времени, бросились к распахнувшимся дверям.

Не успела Нина Анисимовна опомниться, как ее понесло в живом человеческом потоке и, – она вовремя догадалась пригнуть голову, – швырнуло на сидение у окна. Изумившись своему везению, она принялась шарить рукой в сумке, вылавливая кошелек и потихоньку разглядывала своих соседей. И буквально обожглась, встретившись взглядом с молодым белобрысым пареньком, сидящим справа. Неприятный взгляд: с блеском и не уравновешенный. «Вор», – предположила Нина Анисимовна. Вообще-то, она не была склонна так скоро давать людям характеристики, но в маршрутке хрипел русский шансон и ассоциация всплыла сама собой. Нина Анисимовна с задорным злорадством перестала прижимать к себе сумочку, коль вор, – пусть пошарит: кроме пяти рублей в потайном карманчике ничего не найдет, а времени потеряет достаточно, чтобы не лезть к остальным. В ее сумке любой бы заблудился...

Но предполагаемый вор не обратил ни малейшего внимания на ее приглашающий жест, а впился немигающим взглядом в затылок женщины, сидящей к ним спиной. «Ага, – Нина

Анисимовна заинтересовалась. – Значит не вор, а влюбленный. У них порой одинаковый блеск в глазах...» Она попыталась разглядеть женщину, наклоняясь на поворотах более чем следовало и вправо, и влево, но рассмотрела только обычную светлую куртку да легкий шарф, выбивающийся из-под воротника.

Когда собственное любопытство уже порядком ей поднадоело, женщина обернулась, попросила водителя притормозить перед перекрестком и Нина Анисимовна тихо ахнула. Она то ожидала увидеть смазливую девчонку, а женщине – около пятидесяти. Не успела она опомниться, как машина остановилась и женщина вышла, направившись в сторону плохо освещенного сквера, а вслед за ней, отдавив в спешке Нине Анисимовне ногу, выскочил и молодой человек.

Тревога поднялась в душе Нины Анисимовны ужасная. Во-первых, вспомнились все газетные сообщения о нападениях на одиноких женщин. Во-вторых, эти ужасные истории про наркоманов, которым настолько нужны деньги, что они теряют всякий стыд и человеческий облик. Маршрутка застряла на светофоре и, вглядываясь в грязное стекло, Нина Анисимовна с возрастающим беспокойством следила, как молодой человек идет вслед за женщиной.

Выбросить из головы такое странное происшествие она не могла. Ей всегда казалось, что она в ответе за этот мир, что без нее все может рухнуть в тартарары. Машина едва набрала скорость, как Нина Анисимовна крикнула шоферу, чтобы выпустил ее за перекрестком. Она быстрым шагом возвращалась назад, переполненная возмущением и праведным гневом, начисто позабыв о собственной безопасности.

Женщина шла достаточно быстро, и Нине Анисимовне пришлось даже пробежаться трусцой, что в ее возрасте было непростительной глупостью. Потому что после бега она начала задыхаться и о том, чтобы продолжать держать темп не могло быть и речи. От женщины ее отделяло метров пятнадцать, когда молодой человек, находящийся ровнехонько между ними, шмыгнул вдруг в сторону, в кусты.

Нина Анисимовна крикнула. Это она точно помнила. Но тут же осела на землю, угодив левой ногой в небольшую яму. И вовремя, потому что в тот же самый момент раздался громкий хлопок и у нее над головой что-то неприятно просвистело. На мгновение она оцепенела, а когда пришла в себя, увидела, как молодой негодяй удирает в сторону освещенного шоссе. На обочине его поджидала машина с открытой дверцей; парень прыгнул на переднее сидение, и она тут же рванула с места. Ее попутчица, лежавшая на дорожке без движения, зашевелилась, поднялась и, отряхивая на ходу куртку, поспешила к ней. Женщина протянула руку и помогла подняться.

– С вами все в порядке?

– Со мной? – удивилась Нина Анисимовна. – Кажется – все. Что это было? Мне показалось или он стрелял из пистолета?

Она ощупала плечи и руки.

– Зачем вам понадобилось так рисковать?

– Кто же мог предположить такое? Думала, тип, что сверлил вас взглядом в маршрутке, хочет вас ограбить. Ну, знаете, как могло бы быть – стукнет по голове, отнимет сумочку. Вот и вышла из солидарности. Если будет свидетель, он не отважится...

Объяснение вышло сумбурным, но женщина, похоже, поняла.

– Спасибо, – сказала она и закусил губу.

Нина Анисимовна вдруг разглядела в тусклом свете фонаря, что рукав светлой куртки у нее на предплечье разорван и потемнел.

– Вы... вы ранены, – сказала она почему-то полупшепотом.

– Я знаю. Где вы живете?

– На Черной речке.

Женщина достала из кармана деньги и протянула Нине Анисимовне:

- Я прошу вас, поезжайте на такси.
- Это не к чему. Отсюда уже ходит мой трамвай...
- Нельзя. Только на такси. И чтобы к самому подъезду. Иначе – опасно.
- Вы шутите!
- Какие уж тут шутки...

Продолжать спор с человеком истекающим кровью показалось Нине Анисимовне безумием, а потому она лишь спросила:

- Вы сможете добраться до больницы?
- Не беспокойтесь обо мне, – через силу улыбнулась ей женщина. – Теперь со мной все будет в порядке.

- Скажите хотя бы, как вас зовут?

Женщина усмехнулась и помолчала, словно решая, стоит ли называть свое имя. А потом едва заметно махнула рукой и ответила:

- Марта.

– Знаете что, я оставлю вам свои координаты, – торопливо заговорила Нина Анисимовна и протянула визитку, которую Марта машинально положила в карман...

Распрощавшись с удивительной женщиной, Марта направилась вглубь сквера. Голова кружилась, рука горела, а от боли временами темнело в глазах. Она оглянулась на свой дом, где прожила последние пять лет. Сердце сжалось от тоски. Возвращаться туда нельзя...

Рука висела плетью и болела так, что хотелось выть. Дождавшись, пока женщина уедет, Марта заняла ее место у перекрестка.

Она нащупала в сумочке вторую связку ключей, поймала машину и долго торговалась с шофером, внимательно изучая его лицо. Парень попался жадный, но, слава богу, не из тех, с кем она сегодня не хотела бы больше встречаться. Только окончательно придя к такому выводу, Марта села в машину.

Квартира в Карельском переулке выглядела неуютно. Марта скинула куртку на пол. Скрипя зубами, стянула свитер. Изнывая от тошноты, которую у нее всегда вызывал вид крови, осмотрела руку. Заставила себя вспомнить все, что знала об огнестрельных ранениях. Марта смыла кровь, поражаясь, что все еще стоит на ногах, дрожащими руками наложила повязку. Отыскала в шкафу старую кофту, накинула на плечи, пытаясь унять приступ озноба, и села возле телефона. Нужно было успеть предупредить остальных...

Серый дом по набережной Смоленки имел дурную репутацию. Несмотря на чопорный дворянский фасад, в чреве своем он содержал скандальные коммуналки, откуда по округе расплзались небритые мужчины и женщины с оплывшими лицами в поисках пустых бутылок. Расселение, бодро начатое два года назад, застопорилось из-за спора между риэлторами и последними коммунальщиками, разорвавшими первоначальный договор и отказавшимися ехать в район Комендантского аэропорта дышать свежим воздухом лесов Юнтоловского заповедника, обещанным им агентством недвижимости. Одни ссылались на то, что туда «только самолетом летать», – новую станцию метро так и не построили. Другие, опомнившись после первой эйфории, вызванной тем, что смогут наконец, выбраться из девятиметрового клоповника десятикомнатной коммуналки, впали во вторую и шантажировали теперь риэлторов требованиями трехкомнатных квартир в историческом центре. Но, несмотря на то, что оставшиеся строптивные коммунальщики были поголовно расчетливыми трезвенниками, репутация дома не стала лучше.

Ходили слухи, что в одной из пустующих квартир там нынче устроено веселое заведение. Женщины из соседнего дома нервничали по этому поводу больше обычного и каждый вечер группками бегали встречать законно подвыпивших после работы мужей к автобусной

остановке. Старухи, страдающие бессонницей, проводили ночи напролет у мутных окон, надеясь увидеть хотя бы одну особу легкого поведения, чтобы дать выход накопившемуся за годы несчастливой жизни праведному гневу, а может быть даже швырнуть в потаскушку заготовленным рваным ботинком.

Но бдения их не приносили результата, тротуар оставался безлюдным, только подержанные иномарки шныряли по дороге. Девушек же выпускали через черный ход, сажали в рафик с тонированными стеклами и рекламой кока-колы по бокам и развозили после работы по домам. Мария Андреевна – хозяйка заведения – с самого начала держалась этого правила, и Кари всегда следовала ему беспрекословно.

Вот уже два года Кари возглавляла нелегальный салон на набережной, а все еще не стерлись в памяти ни побои родителей, ни холод и скука вещевого рынка, где она торговала индийскими пряностями и благовониями. Свое нынешнее прозвище – Кари – она принесла с рынка. Волосы девушки полыхали желто-оранжевым пламенем, напоминающим цвет приправы. Ее жизнь резко переменилась, когда переминаясь с ноги на ногу на морозе у своего лотка, она разговорилась с приятной пожилой женщиной. Мария Андреевна пригласила Кари к себе, пообещала работу в салоне красоты. Конечно, навестив «добрую старушку», девушка быстро догадалась, что, по сути, ей предлагают заниматься не только и не столько массажем, сколько оказанием иных услуг... Но Мария Андреевна так просто и интеллигентно говорила о предстоящей работе, к тому же обещала сытую жизнь и защиту... Из затрапезной пенсионерки, коих на рынке тьма, в респектабельном офисе она превратилась в холеную даму, а девушки, присутствующие при их беседе смотрели на нее с обожанием.

Отработав полгода, Кари поняла в чем отличие заведений Марии Андреевны от других подобных. Мария Андреевна строго отбирала контингент клиентов. Никаких бандитов, никаких психопатов, никаких наркотиков – три непреложных правила. В числе их клиентов были ветреные молодые люди, которым еще рано задумывать о женитьбе, их Кари помечала в журнале буквой «З», что означало – «зеленые». Категорию «Б» составляли бизнесмены, которым просто не хватало времени, чтобы поухаживать за женщиной, перед тем как уложить ее в постель. Жесткое расписание встреч и поездок заставляло пользоваться услугами тех, кого не нужно уговаривать. Конечно, под их началом находилось немало сотрудниц, готовых оказать те же услуги, но, как правило, это обходилось дороже, и было чревато неприятными последствиями. Под буквой «П» были собраны робкие, закомплексованные типы. Еще «П» означало – перспективные. «Пэшники» быстро привязывались к первой же приглашенной девушке, и уже через два-три месяца девушка исчезала из списков Кари, и появлялась в списках Загса. Так что Мария Андреевна по праву считала себя еще и свахой.

К Кари Мария Андреевна прониклась особой симпатией, и благодаря этому девушка довольно быстро оказалась на «административной» работе, изредка только, да лишь по собственному желанию, надевая кружевное белье для клиента, к которому была равнодушна... В последнее время Мария Андреевна поговаривала, что собирается отойти от дел и, судя по всему, готовила Кари на свое место. Девушка вела бухгалтерию и ездила отчитываться в налоговую по тем салонам красоты, где и вправду только стригли и делали маникюр.

Хозяйка уже полчаса сидела за столом, изучая отчеты, а Кари с трепетом следила за выражением ее лица.

– Да не трись ты, – оторвалась от бумаг Мария Андреевна, – все в порядке.

Кари вздохнула и улыбнулась. В сумочке хозяйки зазвенел мобильный телефон.

– Слушаю, – не отрываясь от бумаг, ровным тоном произнесла Мария Андреевна.

Но, едва узнав звонившую, резко встала и сняла очки:

– Марта?

– Да, Маша. Это началось.

Мария Андреевна медленно опустилась в кресло и прикрыла глаза.

– Когда?

– Час назад. Помнишь, что нужно делать?

– Конечно, – неохотно ответила Мария Андреевна. – Господи, столько лет прошло! Неужели снова?!..

– Уезжай.

– Сегодня же.

Мария Андреевна замолчала и махнула рукой Кари, чтобы та вышла. Девушка закрыла за собой дверь, но любопытство оказалось сильнее, и она прижалась к ней всем телом, пытаясь расслышать каждое слово...

– Ведь это – изгнание! Я никогда не смогу вернуться!

– Лучше изгнание, чем пуля...

– В тебя стреляли? Ты цела?

– Да. На всякий случай – прощай, Маша.

– Подожди! – крикнула Мария Андреевна в трубку срывающимся голосом. – Обещай мне... Знаю, что не могу просить тебя, но не просить тоже не могу. Помоги Полине!

– Я буду помогать всем им.

– Но ведь Поля самая слабенькая! Она ни на что не годится!

– Это не так, – смягчилась Марта. – Но я пригляжу за ней.

И повесила трубку.

Мария Андреевна поднялась и накинула плащ.

– Кари, – позвала она. – Я уезжаю, Кари.

Их прервал вошедший охранник.

– Мария Андреевна, у вашей машины упорно трутся два типа. Притащить?

– Нет, – покачала головой Мария Андреевна, – не нужно.

– Думаете менты?

– Нет. Я выйду черным ходом. Ты, Саша, отвезешь меня в аэропорт на своей машине. К моей не прикасайтесь. Даже если я не вернусь никогда.

– Так сгниет ведь! – с горечью воскликнул Саша, глядя в окно на новенький Мерседес, который сам выбрал для хозяйки только на прошлой неделе.

– Лучше пусть он, чем ты, – ответила Мария Андреевна. – Едем! – она шагнула к двери.

– Мария Андреевна, – бросилась за ней Кари, – а как же...

– Все дела на тебе. Доверенности и печати в сейфе, где ключ знаешь.

– Но как с вами связаться?

– Я буду постоянно на связи. Электронная почта, квип. И еще, – Мария Андреевна спохватилась. – Саша, спускайся к машине, я догоню.

Когда охранник вышел, она сказала:

– Кари, если к тебе обратится за помощью женщина – ее зовут Марта, – сделай все, что она попросит. Даже если просьба покажется тебе... странной.

– Я все сделаю, – горячо пообещала Кари.

Голос ее дрогнул.

– Прощай, – Мария Андреевна порывисто обняла девушку и вышла из комнаты.

«Колыванова Мария Андреевна. Год рождения: 1945. В 1967 году окончила Философский факультет Ленинградского Государственного Университета. В 1967—1968 году училась в аспирантуре, числилась младшим научным сотрудником, вела семинары по научному атеизму.

В 1970 году осуждена за тунеядство и соучастие в убийстве на пятнадцать лет. Отбывала наказание в колонии строго режима «...».

В 1985 году вернулась в Ленинград, работала в разных организациях гардеробицей, вахтером, табельщицей.

В 1990 году подала в суд на начальника колонии, в которой отбывала срок. Заявление к рассмотрению принято не было, в судебном разбирательстве истце отказано.

В 1991 году зарегистрировала кооператив «Красавица», по оказанию парикмахерских услуг населению.»

Марта набрала следующий номер телефона.

– Кого позвать? Гаврилову? – ответили ей сквозь шипение и треск. – Да где ж я вам ее искать стану? Откуда вы? Говорите громче! Тут такой гвалт! Из нотариальной конторы? Наследство?! Ну, тогда подождите, не вешайте трубку...

В чреве ресторана дым стоял столбом. Официантки кричали на поваров, те на помощников, а последние, глотая ругательства, резали себе пальцы, обжигались кипящим бульоном и проклинали нечаянных гостей, свалившихся сегодня на их бедную голову.

Мойщица посуды, снявшая трубку, не сразу заметила Галю, дравшую глотку у большого чана с карасями.

– А я говорю, – орала она повару Степану, – они сказали в сметане, а не уху.

– Дык, сами ж сперва уху требуют, а потом...

– Выпили потом и передумали!

– А я ж чем виноват? Я ж их уже варю! – лицо Степана налилось багровой краской.

– Да плюнь ты. Вылови и на сковороду засандаль! Сметаной потом зальешь, будет как надо!

– А может еще выпьют, снова ухи захотят?

– Так не сливай навар-то. Требухи бросишь, и уха будет. Они ж такие деньжищи отвалили!

– Так и валили бы с деньжищами в «Асторию». Там бы и выкобенивались! А чего в закудалом кабаке деликатесов требовать?!

– Хозяина спроси!

– Да уж, не зря говорят: неожиданный гость хуже татарина.

Тут Галина заметила, что кто-то тянет ее за рукав.

– К телефону тебя, – проорала ей в ухо посудомойка.

– Да пошли ты их! Не видишь, – кручусь.

– Говорят – важное, – округлила глаза старая приятельница. – Поди, послушай...

Галина неохотно протиснулась мимо горячих кастрюль и сковородок к телефону. Зажала рукой одно ухо, проорала:

– Слушаю!

– Это Марта! – донеслось до нее гулко. – Уезжай. Поняла?

– Поняла! – сказала она упавшим голосом, и в ответ услышала гудки.

Мойщица, внимательно наблюдавшая за Галиной, схватилась за сердце:

– Чё, много деньжищ перепало?

– Каких деньжищ? – Галина смотрела сквозь нее.

– Ну, там сказали – вроде наследство. Вон ты как сразу вспотела. Небось, не мало пообещали! Бутылку хоть поставишь нам, бедным?

– Открывай, – Галина смотрела прямо перед собой, не замечая, как подружка суетится, разливая по стаканам водку.

В свои пятьдесят она выглядела дородной матроной без единой морщинки на полном, чистом, словно у ребенка, лице. Немного помогала в зале официанткам, когда те зашивались, а в основном, играла роль приветливой мамки-няньки для братков-малолеток, которые ее просто обожали. После хозяина в заведении была главной. Славилась еще и тем, что в покер и пре-

феранс могла надуть любого. Равных ей не было. В своем маленьком мирке Галина была личностью знаменитой, да и деньги перепадали подчас хорошие. Хозяин ей нарадоваться не мог. Впечатление производила солидное, к каждому посетителю свой ключик имела. Сколько раз заставлял у нее на груди успокоенного сопливого мальчишку с отобранным кастетом, льющего слезы о своей продажной марухе. А кому бы могло взбрести в голову, что чинная матушка в карты мухлюет? Да на ее простодушную рожу посмотришь – никогда не поверишь, что такой под силу в сложной карточной игре разобраться. А тем более «кидать» опытных игроков...

Сегодня Галина собиралась сорвать хороший куш. Ресторан откупила на весь вечер компания богатых мужичков из архангельских лесов. Деньги у них в спортивной сумке — пачками, а говор совсем не столичный. В центральных кабаках хозяйничать не ловко. Вот и рассудили, что лучше в забегаловке побыть барами, чем на Невском косые взгляды иностранцев ловить.

Гости уже и выпили, и закусили. И прониклись к Галюне душевной симпатией. Вот-вот должны были сесть в карты. Жаль упускать такой случай. Но и страшно. Марта нарочно пугать не станет. Пять лет с ней не виделись, а помнит она их разговор слово в слово... «Он не оставит нас в покое. Меняешь место – звони. Что случится – звони. Готовь пути к бегству, может быть неожиданному...» Пока говорили с Мартой, мороз по коже бежал. А как расстались, жизнь свое взяла.

Галина жила беспечно, денег не скопила. А обстановку в квартире разве вынесешь? И вот теперь – бежать. Но далеко ли убежишь без наличных? И где она еще столько заработает?

Галина решила так: играть сегодня все-таки нужно. Вряд ли ее найдут так скоро. Вот денег выиграет, а там и посмотрит...

– Галюня, – звал из зала хозяин, – куда ж вы подевались? Вас тут все заждались!

– Иду!

Галина выпила водки, приосанилась и пошла бомбить карточных профанов.

Они сыграли три партии, и возле нее уже лежала приличная пачка тысячерублевков. Мужики архангельские в раж вошли, стали зелень американскую на стол кидать, требовать еще партию. Галина сидела спиной к стеклянной витрине и тасовала колоду, когда молодой мужчина приставил к стеклу пистолет и выстрелил ей в затылок... Гости архангельские легли на пол, официантки с визгом заматались по залу, но Галина уже ничего этого не видела и не слышала...

«Гаврилова Галина Ивановна. Год рождения: 1947. В 1964 окончила училище и с 1965 года работала на кондитерской фабрике.

В 1970 году осуждена за тунеядство и соучастие в убийстве на двенадцать лет. Отбывала наказание в колонии «...».

В 1980 году досрочно освободилась. Жила в Пскове, Новгороде, Перми, Москве. Проходила свидетельницей по двум уголовным делам. Картежница-аферистка.

С 1988 года живет в Ленинграде, работает официанткой в кафе «Русские напевы.»

Рука болела нестерпимо. Марта порылась в аптечке и выпила две таблетки анальгина: с просроченным сроком действия, но выбирать не приходилось. Наверно, нужно было позвонить Ангелине. Вряд ли, правда, ей что-то угрожает, но все-таки...

В доме престарелых, где жила Ангелина, ее попросили представиться и через несколько минут с удовольствием сообщили, что Туманова говорить с ней не желает.

Как обычно. Марта так и не смогла переубедить ее...

Вспомнилась последняя их встреча.

– Я не стану участвовать в твоей затее! – Ангелина мелко трясла головой.

– Ты встанешь на его сторону?

– Нет! Я вас обоих не переносу! Я вас никогда не переносила! Когда вы уезжали, я радовалась как ребенок, что больше не услышу ваших бредовых разговоров, не увижу ваших горящих глаз и всех этих ваших дурацких ритуалов, в которые вы превратили каждый свой шаг! Пятнадцать лет я прожила словно у Христа за пазухой: ни кого не спрашивая, ни на кого не оглядываясь, а потом появилась ты и подсунула мне девчонку! Но теперь – все! Лариса взрослая. Не знаю, кто из вас и во что хочет ее впутать. Не знаю и не хочу знать! Я уезжаю. Делайте что хотите!

– Но ведь она тебе не чужая...

– Это ты мне говоришь?! – Ангелина зло усмехнулась. – И это говорит мне она!..

Глава 1

Лариса стояла в курилке, вжавшись в угол. В руке дымилась зажженная сигарета. Курить, правда, так и не научилась, но только здесь, на сквозняке у окна она могла укрыться от колючих взглядов коллег с тех пор, как вернулась. За окном ветер гонял осенние листья и обрывки газет. По небу метались клочья грязно-серых облаков. Возвращаться в кабинет не хотелось.

Мужской половине их некогда дружного коллектива было не важно где она пропадала три месяца, и почему вернулась безжизненной и погасшей. Работа сумасшедшая, времени приглядываться к тому, кто рядом – в обрез. Заглянуть в глаза друг другу и что-то друг про друга понять удавалось только в редкие праздники, но Лариса больше не принимала в них участия.

Но от женской наблюдательности скрыться не так-то просто. И хотя коллеги тоже ничего не спрашивали, но, похоже, сами составили картину происшествия и теперь поглядывали в ее сторону с нездоровым любопытством, перешептывались за спиной, понимающе улыбались друг другу.

Впрочем, со стороны ее отъезд и возвращение выглядели банальной глупостью. Роман с женатым человеком, неудачная попытка начать совместную жизнь в другом городе... Лариса могла бы безошибочно угадать, о чем говорят за ее спиной.

«Что это у нас с Беловой? Ходит как пыльным мешком ушибленная.»

«Да, мужик бросил...»

«Всего-то? Не ее первую...»

И – возмущение. У женщин возмущение вместо сочувствия – дело обычное, особенно если кто-то переживает то, что они уже оплакали. Ларисе не раз приходилось возить роженниц. В больнице, если женщина не ограничивалась легкими стонами, тут же получала выговор: «Чего орешь?»

«Так больно ведь...»

«Все рожали и никто не умер...»

Лариса закрывала глаза и представляла родильный зал, где стоит гробовая тишина.

Вот и теперь ей в спину летели взгляды, в которых читалось: всех бросали и никто не умер, ни одна ты такая!

Но Ларисе казалось, что она одна такая несчастная. Были бы у нее родители, возможно, все сложилось бы по-другому. Наверняка – по-другому. Но выросла она в детском доме, и теперь присматривать за ней было некому. Даже родная тетка от нее сбежала. Нет, что-то с ней не так!

Детский дом стал для нее семьей. Но однажды случилось несчастье, и она всех потеряла. Хорошо еще, что именно тогда ее нашла тетя. Иначе даже представить трудно, как бы она выкарабкивалась... Лариса окончила медицинское училище, стала фельдшером, попала по распределению на скорую помощь. С головой ушла в работу. На каждый вызов мчалась впереди всех. Казалось, исправляет ошибку той, другой скорой, которая не успела приехать вовремя и спасти ее близких...

Три года пролетели незаметно. Никакой личной жизни, в друзьях – только коллеги, вся жизнь – на работе: и будни, и праздники. Старая боль отпустила. И тут появился Саша...

Он был старше: Ларисе – двадцать пять, ему – под сорок. Она приехала по вызову к его дочери-студентке. Температура зашкаливала, на вскидку похоже на воспаление легких. Мать плакала, беспомощно суежилась, собирая дочь в больницу. Саша примчался домой, когда они уже спускались по лестнице, попытался сунуть Ларисе деньги, чтобы дочери обеспечили отдельную палату и специальный уход.

Лариса нахмурилась, но подняла на него глаза и раздражение улетучилось. Деньги – это мелочь. Такой ради дочери жизни не пожалеет.

– Я только отвезу ее. Остальное решается в больнице, – сказала она как можно мягче. – Если хотите, можете поехать с нами...

Он посмотрел на нее с благодарностью. Потом, через несколько месяцев, когда они стали встречаться, Саша рассказывал, что именно в тот момент, когда она подняла на него глаза и сменила неожиданно гнев на милость, он и понял впервые в жизни, что такое любовь.

– Кипятком окатило, и в горле комок – не вздохнуть, не выдохнуть... Решил даже поначалу, что у меня инфаркт...

Разыскал он ее потом чудом. Случайно попал на диспетчера, работавшего в ту смену, случайно на врача, который знал Ларису. Узнал, когда у нее заканчивается смена, ждал на морозе полтора часа. Потом еще шел незаметно следом, пока она не распрощалась с коллегами и не осталась одна.

– Можно мне проводить вас?

А губы у него были синие от холода...

Позже она оценила этот поступок по-настоящему. Мог бы приехать на машине, поджидать в теплом салоне. Но как чувствовал: Лариса ни за что не села бы в его роскошный BMW. Поблагодарила бы за предложение подвезти и нырнула в метро.

Он не принес цветов в первый раз, не набивался в гости. Просто проводил до парадной, открыл дверь, посмотрел, как она поднимается по ступенькам, и ушел.

Дома Лариса не гадала, что бы это значило. Сердце сжалось. Но она прекрасно помнила его богатый дом, красивую жену в пушистом белом халате, взрослую дочь. В его жизни нет места для Ларисы. Зачем же тогда он приходил?

На следующий день все повторилось. Но теперь она ждала его. Ждала и постаралась выйти раньше всех. И он не обманул ее ожиданий. Они снова шли рядом к метро. Но теперь Лариса шла медленней...

Сигарета обожгла пальцы, Лариса постояла еще немного в курилке и медленно поплелась в кабинет, надеясь, что вторую бригаду вызвали и там теперь никого. Но не тут-то было: Галя, Наташа и Тамара Петровна, едва она переступила порог, дружно обернулись. Похоже, настроены они сегодня решительно: сейчас начнут расспрашивать, утешать, давать советы... Старшая медсестра появилась как спасение:

– Срочный вызов, – она внимательно обвела всех взглядом, – на свадьбу. Белова, одна справишься? Твоего врача я только что отправила.

– Конечно.

Лариса подхватила сумку и вышла.

Скорая остановилась у входа в Александро-Невскую лавру. За воротами Лариса смешалась с толпой гостей, которые не то пили шампанское, не то, устав пить, поливали им друг друга. Пожилая женщина, у которой с плеча свисала шкурка неопознаваемого животного, протиснулась к ней сквозь толпу и, борясь с икотой, объяснила, что жених только что венчался, но до дворца бракосочетаний не дотянул, пав по дороге. Толстым пальцем женщина ткнула в сторону некрополя.

Невесту Лариса увидела издали: среди разноцветья опавших листьев девушка выглядела белым пятном. Она сидела на надгробье Ланской, расправив складки воздушного подвенечного платья и время от времени лениво подносила к губам короткую дамскую сигару в позолоченном мундштуке.

– Кому плохо? – спросила Лариса.

Невеста внимательно оглядела ее с ног до головы, выпустила дым и прыгнула на землю.

– Мне нужно, – сказала она твердо, – чтобы он дотянул до дворца бракосочетания. Понимаешь? Любой ценой!

– Кто – он?

– Да вот, – кивнула девушка на охапку осенних листьев и только тогда Лариса заметила, что поверх кучи лежит маленький лысый толстячок в черном смокинге.

Лариса пощупала пульс, легко перевернула бедолагу на спину и отпрянула:

– Да он, похоже, просто напросто мертвецки пьян!

– А то я сама не знаю, – поежилась невеста.

– Так чего вы хотите от меня?

– Я хочу, чтобы он встал, пусть хоть на четвереньки, уж как получится, и оставался бы в частичном хотя бы сознании до того момента, пока нам в паспортах не поставят печати о регистрации брака, – отчеканила невеста. – Триста долларов вас устроит?

– Причем здесь скорая помощь? Выведением из запоев занимаются совсем другие службы. Вы ведь сказали по телефону, что у него сердечный приступ, так?

– А если приступ, – поджала губы невеста, – вы поставите его на ноги?

– Если приступ, мы положим его на носилки.

– Нет.

Девушка глубоко затянулась сигарой, выпустила целый фонтан дыма и сменила тон.

– Слушай, подруга, погибаю. Мне эта регистрация – во как нужна, – она полоснула кроваво-красным ногтем по горлу. – Я актриса. Ставка у меня в театре – копеечная. А у этого типа – своя строительная компания...

– Хоть две.

– Ну, ты что, не можешь его чем-нибудь кольнуть, чтоб поднялся? Ты пойми, я от Бога актриса. Я работу свою люблю и подрабатывать уборщицей в казино больше не хочу. Мне в кой веке попался богатый мужик. Квартиру купил из пятнадцати комнат.

Лариса смотрела на девушку безучастно.

– Да не смотри ты на меня так. Мне все эти тряпки и побрякушки – даром не нужны. У меня призвание, понимаешь... – по щекам девушки покатались слезы. – Я хочу играть в своем маленьком театрике. Дочка у меня... Три годика...

– Ладно, записывай телефон, – не выдержала Лариса.

Из складок платья невеста ловко извлекла сотовый и тут же набрала номер, продиктованный Ларисой. Поговорив, она удовлетворенно вздохнула:

– Обещал быть через десять минут. Не обманет?

– Нет.

– Приходилось пользоваться такими услугами? – с участием поинтересовалась невеста.

– Это мой знакомый. Звал как-то работать, – бросила Лариса и, уходя, с отвращением взглянула на жениха. – Что же вы так все-таки... ради денег...

– Так ты на него внимательно посмотри, – предложила невеста, – в нем что, кроме денег что-то есть?

– Но в первый раз и так...

– Почему в первый? Это мой третий брак, – искренне удивилась невеста.

Лариса быстрым шагом возвращалась к машине, пытаясь ответить себе на два вопроса. Действительно ли девушка расчувствовалась, разговаривая с ней, или она лишь талантливая актриса; и почему, черт побери, Наталья Гончарова похоронена как Ланская и нигде даже в скобках самыми маленькими буквами не значит, что была она некогда любимой женой великого русского поэта. Это ведь так важно! Ведь если люди умеют притворяться как эта девушка, значит, и Саша тоже мог... А если женщины забывают, что некогда их любили необыкновенные мужчины, то значит и она забудет...

Перед Невским машина попали в огромную пробку и на Ларису снова нахлынули воспоминания. На этот раз самые жаркие – их первые поцелуи, первые объятия... Она передернула плечами, потому что даже теперь, через год от этих воспоминаний мурашки бежали по телу.

Вот ведь как бывает на свете. Один человек уходит, а другой застревает в прошлом, прокручивая и прокручивая в памяти каждый час минувшей любви...

Три месяца они ходили вокруг да около. Каждый боролся с собой. Правда, теперь он уже подъезжал к больнице на машине, вез ее в какое-нибудь маленькое кафе поужинать и послушать музыку. Но, в конце концов, неизменно раскланивался возле парадной и растворялся в темноте. От этих невинных хождений желание, с которым оба так мужественно боролись, только росло, и однажды они все-таки не смогли с ним больше бороться. Страсть захватила их на несколько месяцев – оглушила и ослепила. Они забыли, что у их любви нет будущего. Но ведь рано или поздно это открытие должно было их отрезвить...

Последние месяцы весны оказались самыми мучительными. Саша делал выбор, а она – ждала. Нет ничего тяжелее такого ожидания.

– Понимаешь, – говорил он, – с женой мы давно стали чужими людьми. Но Ирочка... Она же ни в чем не виновата...

Лариса навещала пару раз девушку еще тогда, когда та лежала в больнице. Слышала, как отзывались о ней медсестры. Они звали ее «сучкой избалованной», говорили, что родителей таких девочек отстреливать нужно, пока еще кого-нибудь не родили и не воспитали «людям на радость».

Но Саша любил дочку слепо.

– Ирочка очень чувствительная девочка, ты ее просто не знаешь, – говорил он. – Она без меня пропадет. Мать ее совсем не понимает...

А Лариса, оставаясь одна вечерами, терзаемая муками ревности, ехала к его дому и кружила неподалеку, поглядывая на освещенные окна. Сколько раз ей приходилось видеть Ирочку, выходящей из подъезда под руку с мамой, щебечущую, кладущую голову той на плечо, кривящую губы вслед прохожим...

В глубине души копилась обида. Порой Лариса говорила себе, что она тоже ранимая и тоже ни в чем не виновата, порой убеждала себя, что родители на то и родители, чтобы любить своих детей, какими бы те не были. Да и ситуация любовного треугольника всегда патовая: невозможно угодить всем.

Но Саша сделал свой нелегкий выбор. В конце весны, когда для Ларисы весь мир сделался серым, а под глазами от бессонных ночей залегли черные тени, он пришел к ней с легкой спортивной сумкой.

– Все. Больше я никуда не уйду.

Она была слишком потрясена, чтобы интересоваться подробностями. Только на следующий день, когда изъявления обоюдной любви оставляли время и мыслям, она вдруг осознала, что он не торопится на работу.

– У тебя выходной?

– Я все оставил жене. Фирму, машину, квартиру.

Лариса закусила губу. Ей ли не знать, чего ему стоил успех.

– Не горюй, – успокоил он. – Получилось один раз, получится и во второй. Только давай уедем! Так нам будет спокойнее.

– Куда?

– У меня родители в Карелии. Начнем все заново...

Они начали все заново, и в июне Лариса почти поверила, что нет женщины счастливее нее. В июле трижды ему звонила дочь. После этих звонков он часами молча курил на кухне, а Лариса тихо сходила с ума в пустой спальне. Казалось невероятным, что их совместное счастье оказалось таким коротким...

В августе Саша съездил в Санкт-Петербург. А вернувшись, вдруг сделался необычайно к ней нежным. Она отвечала на его поцелуи, глотая слезы. Она принимала их за прощание

и со дня на день ожидала, что он скажет ей: «Прости, я ошибся...» Август тянулся медленно, как перегруженная повозка с трудом тянется за старой клячей, а Саша не торопился с объяснениями...

Самое смешное, что их вообще не последовало. Ни тебе «так получилось, Лариса», ни тебе «прощай». Просто ушел однажды утром и не вернулся.

Неделю она ждала и плакала от обиды и от злости на себя, что с обидой своей не может справиться. В понедельник вечером она почти ненавидела Сашу, упрекая во всех смертных грехах, во вторник днем трясущимися руками крутила диск телефона, обзванивая на всякий случай морги и больницы. В среду ей приснилось, что он умер. И она снова весь день плакала сначала от нестерпимой боли, что его нет на свете, потом – от обиды на собственную глупость – чего только не придумает брошенная баба.

В четверг каждый час ей в голову приходили новые мысли: что его похитили и требуют выкуп с жены, что он потерял память и заперт где-нибудь в психиатрической больнице, что отправился в лес и заблудился...

В пятницу, перешагнув через чувство собственного достоинства, она позвонила ему домой. Ранимая девочка Ирочка рывкнула, что такой здесь больше не живет, и швырнула трубку. В субботу, превозмогая стыд, Лариса навестила его родителей и обрисовала им ситуацию. Старики пожали плечами и посмотрели на нее с отстраненным сожалением. Они не одобряли разводов.

В воскресенье, выплавав все слезы, Лариса собрала вещи и вернулась в Петербург.

Ее с радостью взяли на прежнее место. Работы как всегда было больше, чем людей. В глубине души она продолжала ждать, но Саша как в воду канул...

Возвращаясь в машине на станцию, Лариса прикрыла глаза и провалилась в сон.

Ей снова было семнадцать. Она стояла у реки, теребя кончик косы. Она знала, что река эта соединяется с озером Бурным, а неподалеку от их детского дома есть местечко, которое называется Заветное. Еще дальше – Приозерск.

Она смотрела в воду, пытаясь унять бурю, разразившуюся в ее душе после разговора с Мартой. Лариса несколько раз глубоко вздохнула, задержала дыхание, шумно выдохнула, но сердце продолжало колотиться, а скулы сводило от напряжения. Ей хотелось плакать, но она чувствовала, что слезы выйдут злыми и облегчения не принесут.

Мысли будоражили, заставляли суетливо складывать кусочки мозаики собственной жизни, но толку от этого было мало. Сама для себя она была задачей с множеством неизвестных. Как она попала в детский дом? Кто ее родители?

Эти и еще с десятков других вопросов она и задала сегодня Марте, но ни на один из них не получила ответа. Почему же от нее скрывают правду? И какое, интересно, Марта, имеет право скрывать?... Лариса задыхнулась от возмущения. Любому нормальному человеку хочется знать кто он и кому обязан жизнью!

Лариса смотрела в воду и, сама того не замечая, постепенно успокаивалась. На исходе жаркого лета зеленая река медленно двигалась на восток как упитанная змея, неторопливо прокладывая себе путь сквозь заросли кустарника. Плакучая ива, склонилась к самой воде и пыталась ухватить зеленую непослушную тварь ветками. У самого берега бились потемневшие к осени блюдца кувшинок, казавшиеся без желтых цветов старыми девами – поблекшими и никому не интересными. А плеск воды у мостков звучал бесконечными сплетнями, в которых они находят утешение.

Пора было возвращаться.

Как только из-за деревьев показался дом, ее охватило щемящее чувство скорой разлуки. Она и радовалась тому, что ждет ее в будущем, и чувствовала себя предательницей, бросающей на произвол судьбы родное гнездо. Когда их здесь не будет, дом наверняка обветшает, в нем

поселятся полевые мыши, вороны станут хозяйничать на крыше, ухоженные розы вырождаются в дикий кустарник с мелкими невзрачными цветами. Это непременно случится в конце июня, когда они разъедутся и детский дом опустеет...

Лариса делила комнату с Полиной. Она не помнила, что было в ее жизни до тех моментов, которые память порой выхватывала из молочного тумана раннего детства. Эдакие застывшие картинки. На всех картинках – обязательно Марта. Сначала – Марта. Она была с ними всегда, с самого начала. Слово «детский дом» они узнали от деревенских ребят. Марта никогда не упоминала этого слова. Она говорила – наша семья. Поэтому Полину Лариса всегда звала сестрой.

Они делили комнату и проводили все время вместе. Полина пропала бы без Ларисы. Когда что-нибудь случалось, Полина непременно оказывалась в эпицентре события. Если разбивалась ваза с цветами, Полина тут же ранила руку осколком; если шел дождь, можно было поспорить, что она промочит ноги и заработает простуду; если заливали каток зимой, то падала на идеально гладкой его поверхности одна только Полина. У нее была странная способность попадать во все неприятности с катастрофической фатальностью. Но Лариса часто успевала подхватить ее под локоть, когда подруга едва не ступала в огромную лужу; напомнить о том, что не мешало бы надеть шарф, когда они шли на прогулку зимой или отвлечь разговором, пока кто-то другой выметал осколки разбившегося стакана.

Несмотря на то, что часы пробили десять, Полина не спала, умирая от любопытства.

– Что она тебе сказала?

– Ты не поверишь...

Лариса и сама бы не поверила в то, что узнала, скажи ей об этом не Марта, а кто-нибудь другой.

– У меня есть родственница.

Полина замахала руками:

– Где?! – В глазах у нее стоял неподдельный испуг.

– В Ленинграде.

Полина смотрела на Ларису не мигая.

– И она берет меня к себе.

– Невероятно! – выдохнула подруга. – А кем она тебе приходится? Как нашла тебя? Сколько ей лет?

В детском доме слово «родственник» сродни магическому заклинанию. Если у тебя есть родственники, это все равно как если бы были корни. Ты уже не листочек, гонимый ветром, ты часть семейного древа – могучего и крепкого. А значит – не такой как остальные...

Лариса смотрела на Полину с нежностью. Разумеется, она ее не бросит. Как только обживется у тети – заберет к себе. Они обсудили детали. Лариса собиралась поступать в Ленинградский университет на исторический, Полина кусала ногти, не решаясь сделать окончательный выбор. Вдруг Полине показалось, что пахнет дымом. Она подскочила на кровати. Лариса рассмеялась. Действительно, тянуло слегка дымком, но ведь ясно, что у тетушки Ольги снова что-то не ладилось с печью. Старушка упорно отказывалась купить электрическую плитку или связываться с газовым баллоном и готовила по-старинке. Но Полина не успокоилась, а побежала к двери. Она толкала ее изо всех сил, но дверь не поддавалась. Это было невероятно, потому что замков у них не ставили, и никто никогда не запирался.

Лариса подскочила к Полине и принялась колотить в дверь.

– Откройте! – кричала она. – Что там случилось? У нас дверь заклинило, слышите?

Дымовая завеса становилась плотнее. Полина закашлялась, Лариса оттащила ее в комнату и только тогда они услышали, что в соседних комнатах тоже стучат.

Данила что-то кричал им, и они никак в панике не могли разобрать. Он кричал, чтобы вышибали окно и еще, что как только выберется, поможет. Комната девушек находилась на вто-

ром этаже, но если бы им удалось открыть окно, они смогли бы легко спрыгнуть на землю, – не так уж и высоко. Но окно, словно заколдованное, не поддавалось. Сверху доносился вой и тяжелый топот ног Леша. На третьем этаже только одна комната. «Ему не выбраться», – пронеслось в голове у Ларисы, прежде чем все поплыло у нее перед глазами.

Она схватила табурет и швырнула в окно. С улицы доносился далекий звук сирены. «Лешу спасут», – успела подумать Лариса.

– Полина, слышишь...

Но Полина ничего не слышала. Она лежала на полу, в дыму, без сознания. Лариса помнила, как шла к ней... Дым ел глаза и раздирал горло. Она поминутно кашляла. За дверью в коридоре трещало пламя...

– Марта, Марта! – крикнула Лариса, закашлялась и потеряла сознание.

Лариса очнулась от того, что их водитель Семен осторожно тряс ее за плечо.

– Все, родимая, приехали. Ты б валерьяночки что ли выпила...

– Зачем?

– Пока спала, вон, все вздрагивала, да маму звала.

– Маму? – не поняла Лариса и, припоминая обрывки сна, поправила: – Марту, наверно.

Семен был прирожденным спорщиком и хотел было возразить, что не глухой еще, хоть и на пенсии, но вовремя вспомнил, что Лариса у них детдомовская и осекся.

– Ну как скажешь...

Глава 2

Всю ночь Марта не могла сомкнуть глаз. Рука ныла не переставая. Но как только боль притуплялась, ее охватывала паника. В ее возрасте любая рана – беда, заживает долго. Силы уже не те. Едва Марта приподнималась на кушетке, чтобы встать и выпить очередную порцию лекарства, голова кружилась, а ноги становились ватными и не слушались.

Неожиданность происшествия парализовала ее чуть ли не больше самого ранения. Она ждала угроз, даже, возможно нападения, но у нее и в мыслях не было, что убрать ее могут без всяких предупреждений, одним выстрелом. Ей стало страшно. Она просчиталась. По какой-то наивной женской глупости, которую так и не сумела до конца вытравить из души, Марта полагала, что если он и не любит ее до сих пор, то... Она ошиблась. Он не станет ни с кем церемониться. Его методы изменились, а стало быть, изменился и он сам. Разлюбил эффекты, идет к цели кратчайшим путем. Она думала, он ее не тронет! Памятуя о старой любви. А он вспомнил о ней первой. Памятуя старое предательство...

Силы таяли... Наваливалось тупое безразличие. Она старая женщина. Кого она может спасти? Кому помочь? Волнами накатывало забытье... Марта приходила в себя от собственных стонов. Лампочка под потолком слепила глаза так, что они слезились. Или это она плакала? Уже не разобрать. Все вокруг заволочло липким густым туманом, похожим на смерть...

Она попала в эпицентр дурных видений.

Они снова были вместе. И Маша – маленькая, хрупкая, с умными живыми глазами, и Женя – самая старшая, всегда отстраненная, ироничная, ведущая свою игру, и сумасшедший ее муженек Сенечка, вздох рассказывающий о Рерихах, о преображении пространства с помощью направленной мысли, о Шамбале, о Беловодье... Сколько ночей они провели без сна, упиваясь поисками смысла жизни? Сколько месяцев вынашивали свои планы?

Остальные оказались с ними в одной компании случайно. Галя – русская красавица с косой до пояса, потому что не ладилось в семье, готова была бежать от родителей хоть на край света. Лешка – потому что любил Женю. Дмитрий – потому что хотел быть рядом с Галиной. И Андрей тоже был жертвой обстоятельств. Его увлекла Марта своими горячими проповедями. Он не хотел ехать. Категорически. И много лет потом ее мучил вопрос: если бы и Андрей не поехал и не отпустил ее, возможно у них была бы другая судьба и они до сих пор жили бы вместе. Но она его уговорила...

И Марте было не жаль.

Она не хотела бы повернуть время вспять и переиграть все заново. Потому что тогда, пусть не познав самого большого на свете горя, она не познала бы и самой большой радости. Радости любви. И даже теперь, когда силы ее таяли, только сила любви осталась в ней.

Марта лежала в испарине, вода мутным взглядом по потолку, снова и снова теряя сознание от боли...

Впервые она жалела о том, что не решилась никому открыться до конца... Неужели теперь все это она унесет с собой? Невозможно! Она тяжело поднялась с кровати и села. В висках гулко стучало. Боль накатывала душными волнами вместе с тошнотой и страхом. Ей нужно было кому-то все рассказать. Иначе вся ее жизнь теряла смысл. Только вот – кому? Перед глазами возникло лицо женщины в темном парке. Она ведь, кажется, оставила ей свой телефон. Медленно, цепляясь за стену, Марта добралась до прихожей, сунула руку в карман куртки.

Бумажка, которую она в темноте приняла за визитку, оказалась рекламным листком с тремя телефонами. Немецкие вина? Вряд ли это могло относиться... Карбюраторы. Какие еще карбюраторы? Ах, вот! Уроки немецкого. Наверняка она. Теперь – к телефону.

Каждый шаг казался Марте непреодолимым препятствием. Но затеплившаяся надежда придавала сил. После нескольких длинных гудков, ей ответили:

– Я вас слушаю, – сказала женщина, и Марта слабо улыбнулась: голос она запомнила прекрасно.

Заплетающимся языком она сообщила кто она. Объяснять остальное оказалось излишним.

– Где вы находитесь? Я сейчас приеду, – с готовностью предложила Нина Анисимовна.

Марта назвала адрес и выронила телефонную трубку из рук. Путь назад, до кровати представлялся ей теперь невыносимым. Тем более что нужно будет снова вставать, чтобы открыть дверь. Она решила устроиться в коридоре. Огляделась. Вытащила из шкафа старую кроличью шубу, бросила на пол и повалилась на нее, укрывшись курткой. Сознание оставалось ясным, но Марта закрыла глаза и решила немного подремать.

Нужно беречь силы.

Нина Анисимовна звонила в дверь уже в пятый раз. От того, что ей никто не отвечал она волновалась все больше и ругала себя за то, что бросила вчера раненную женщину на произвол судьбы. Похоже, теперь состояние ее осложнилось...

Наконец Марта услышала звонки, выплыв из забытья и, с трудом поднявшись, открыла. Нине Анисимовне пришлось подхватить ее и помочь добраться до кровати.

– Вам срочно нужен врач! – воскликнула Нина Анисимовна. – Вы горите!

– Нет, только не врач. Мне нужно, чтобы вы меня выслушали...

Для Нины Анисимовны это был самый фантастический день в ее жизни. А прожила она длинную жизнь и фантастики в ней хватало. Она была слушательницей особенной. Проникая в ткань повествования собеседника, Нина Анисимовна, как зачарованная, уплывала в видениях, навеянных рассказом, и воспринимала все так, словно сама являлась непосредственной участницей событий.

Марта говорила невнятно, отрывочно. Порой ее слов совсем нельзя было разобрать, и тогда Нина Анисимовна вставала, приносила из кухни стакан воды и протягивала Марте приготовленные лекарства. Перед ее мысленным взором вставал Алтай, где она не была ни разу. Как Марта сказала? Там ты словно у Него на ладони...

Нина Анисимовна видела себя на этой ладони и сердце ее замирало от удивительного ощущения соприкосновения с вечностью...

Она видела их всех, – тех, о ком рассказывала Марта. Высокую, сухопарую Евгению. Красивую и недобрую. Ее мужа – Сенью, сентиментального философа, который витает в облаках и ничего не видит даже у себя под носом. Не замечает, что его постоянный слушатель – Алексей – давно спит с его женой. Так давно, что эта связь успела сделаться для Евгении привычной, если не наскучить.

Евгения скучает. Это случается с женщинами страстной натуры, которым некуда себя деть. Нина Анисимовна сама знала массу примеров тому... Таким нужен *мужчина*. Сенья был тонким, понимающим, терпеливым. А таким нужен совсем другой – обыкновенный, и – лучше всего – с плеткой. Тогда они входят в разум. А если такого мужчины рядом не оказывается, что ж... Ей скучно, ей нравится играть с людьми, творить их судьбы по собственным лекалам. Она притягивает их легко, словно достает из аквариума сачком рыбок.

Так к ним в дом попадают молоденькая соседка Марта, совсем недавно вышедшая замуж. Марта широко раскрыв глаза слушает рассказы Сени. О Рерихах. Нет, не то, что написано о них в книгах по истории. Марта учится на историческом и книг прочла много. Она слушает то, что невозможно нигде прочитать. Об агни-йоге. О волшебном камне. О письмах Рериха Сениному деду. На столе, под светом лампы разливается Беловодье – чудесный город, жители

которого все поголовно счастливы, потому что познали главную тайну бытия. Марта молода, она страстно желает счастья и мудрости.

Она слушает и Васильевский остров кажется ей заколдованным местом, отделенным от города высокой социалистической культуры Ленинграда, не только Невой и заливом, но и таинством науки и магии, поселившимся здесь. Смоленское кладбище, где они всей компанией часто прогуливаются, дымится призраками. Позади Смоленки, на Голодае встают туманные лики пятерых не похороненных декабристов. А вдоль по Малому проспекту медленно движутся тени Рерихов, оставляя за собой светящийся след.

Страна, раскинувшаяся через весь континент, кажется тесной, потому что не включает Тибет – хранителя тайн вселенной и человечества. Замалчивание преподавателями интереснейших моментов истории кажется умышленным, а запрещенная вера – не важно в какого Бога – единственно возможным выходом.

Пока Марта ошеломленно слушает Сенью, Евгения приглядывается к ее мужу.

– Сколько же ему лет? Ах, вот как... Совсем мальчик.

А у самой подрагивают тонкие пальцы, ломается сигарета. Ее всегда влекло к тем, кто моложе. И больше всего – к тем, кто счастлив уже без нее.

Но молодой муж Марты – материалист. Он смеется над рассказами жены и отказывается от приглашений к соседям. Книжки о Рерихах, которые она подсовывает ему иногда, вызывают у него раздражение.

– Все это какой-то бред, – говорит он жене. – Одурманивают они тебя своими сказками.

Он не приходит к соседям снова и снова. Евгения от досады кусает тонкие губы и настроение ее меняется каждую минуту без всякой причины. Но Марта не замечает. Для Марты открывается другая жизнь, иные возможности. Ей хочется иного и для себя и для ребенка, которого она носит под сердцем. Если мысль уподобляется волнам, таким же как электрические или магнитные, то преобразование мира представляется ей настолько возможным, что хочется начать сегодня, сейчас же!.. Они с Сеней проводят долгие вечера, экспериментируя с передачей мыслей. Но Ленинград – совсем не то место, где это может получиться легко и естественно...

Через год в доме Евгении появляется Галина. Заплаканную соседку Женя притащила с лестничной площадки и долго пыталась на кухне о причине ее слез. Оказалось все просто: отчим лапает при каждом удобном случае. Сегодня – ударил. Галина, заливаясь слезами. Евгения утешает. Чувствует себя спасительницей. Она поможет беспомощной девушке. Ей ведь скоро тридцать, и она знает, что в жизни по чем.

Галина приходит каждый вечер и сидит допоздна. Ей мало понятны споры Сени и Марты, она просто ждет, пока мать вернется домой. Отчим пробовал увести ее от соседей, но открыла Евгения, посмотрела так, что сомнений не осталось – она все знает. Ушел, выругался грязно, но только после того, как закрыл за собой плотно дверь. При Евгении – не посмел. А тут и защитник у Галины нашелся. У спелых и симпатичных быстро находятся покровители. Коллега Сени, забежавший как-то за бумагами – Дмитрий. Вот кажется и вся компания в сборе.

Ах, нет. Еще Маша. Она – младший научный сотрудник и пишет диссертацию под руководством Сени. Маша в доме – частый гость. Серьезная, деловитая. Но слишком миленькая, чтобы мужчины относились к ней всерьез. Она поправляет Сенью, краснея, время от времени. Слишком уж его заносит с рассказами: путает даты, последовательность событий меняет местами. Но зато – размах какой. Воображение, которое дорисовывает мелкие детали. У Маши нет воображения. Ей трудно дается наука. Больше того, что написано в книгах она не видит. Она тайно учится у Сени, перенимает манеру повествования. Дома делает заметки на полях своих лекций: «в этом месте голосом выделить следующую фразу». И фраза очеркнута красным карандашом. Или: «слово произнести громко, выдержать паузу и посмотреть на студентов». Есть у нее и другой интерес к Сене. Она тщательно скрывает этот свой интерес, но все давно догадываются...

Когда и кто называет их вечерние посиделки общиной – вспомнить почти невозможно. Но название все принимают. А Сеня – сан учителя. Андрей криво усмехается, когда Марта сообщает ему о таких переменах. «Вы все, – говорит он, – сошли с ума. И „учитель“ ваш – в первую голову». Он даже увлекся психиатрией, читает научные книжки и выписывает журнал. Хотя он вовсе не психиатр, а врач-анестезиолог...

– Это все, что вам нужно знать, – едва шевеля пересохшими губами говорит Марта. – Остальное – вот.

Нина Анисимовна с трудом вырвавшись из пригрезившейся ей просторной ленинградской квартиры, где склонив головы над картой молодые люди с восторгом строят планы на будущее, возвращается в реальность. Марта пытается сказать еще что-то, но уже не может. Здоровой рукой она все тянет и тянет цепочку с шеи. Нина Анисимовна помогает ей, и к своему великому изумлению на конце цепочки видит не крестик, а маленький ключ.

Ненадолго Марта теряет сознание.

Нина Анисимовна сидит над ней, осторожно двумя пальцами удерживая ключ и не зная, что теперь делать. Постепенно сознание ее проясняется окончательно и чувство ответственности терзает сердце, подталкивая не сидеть сложа руки, дожидаясь пока Марта тихо отправится на тот свет, а сделать хоть что-нибудь.

Положение кажется ей абсурдным. Марта хотела что-то сказать, но не успела сказать ничего особенного. Показала ключ, но не сказала, что с ним делать. Ей непонятно, почему Марта не хочет в больницу, но она смутно догадывается, памятуя выстрел на улице, что для этого есть какие-то, возможно, весьма веские, основания. Но – что за основания могут быть для того, чтобы так неразумно умереть?

Нина Анисимовна встала и принялась мерить комнату широкими шагами, заложив руки за спину. В голове стоял туман, наполовину состоящий из рассказанного Мартой, наполовину – из воспоминаний собственной юности. У них тоже была компания. И, возможно, в последний свой час ей тоже захочется вспомнить именно о ней. Все имена запечатлены в сердце и не подвержены склерозу. Забвение, съевшее почти треть жизни, стершее подробности и мелкие факты, не прикасается к именам друзей. Нина Анисимовна стала перебирать их как драгоценные камни и неожиданно застыла на месте. Коля! Он ведь был врачом. И все считали, что у него золотые руки и бесценный дар!

Она бросилась в прихожую и запустила обе руки в сумочку, выуживая записную книжку. Там все ее знакомые: старые, новые, бывшие, настоящие. Ей казалось кошунством вычеркнуть с пожелтевших страниц хотя бы одно имя. Пусть уже полвека не звонила кому-то, не заезжала и даже перестала видеть во сне, но вычеркнуть имя было для нее равносильно убийству. Или самоубийству – все-таки все эти люди – ее прошлое.

Вот он Коля. Ох-хо-хо-хо-хо! Автово. Не ближний свет. Особенно в ночное время и при пенсии, позволяющей ездить только на велосипеде, потому что задаром. «Но что-нибудь придумается, – решила она, – главное – действовать».

Воровски оглянувшись на Марту, Нина Анисимовна сняла трубку...

Глава 3

В кабинете Лариса сидела неподвижно, глядя в дальний угол. Чувствовала себя полностью опустошенной. Единственное, чего ей хотелось теперь, так это сидеть вот так, ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Но не тут-то было. В коридоре послышались шаги. Первая бригада вернулась с вызова.

Как только женщины вошли в комнату, Лариса полезла в сумочку за сигаретами. Вытащила пачку, отыскала зажигалку и пошла к выходу.

– Не много ли куришь? – спросила Галя.

А Тамара Петровна закрыла перед ней дверь:

– И не думай больше! Хватит бегать. Вон твоё кресло любимое в углу. Или не заметила, что его никто не занимает?

Сзади подошла Наташа, самая молоденькая, обняла за плечи:

– Мы тебя все любим, – протянула она тихо. – Чего ты все одна, да одна?

Лариса обернулась к ней и совершенно неожиданно для себя заплакала. Наташа заревела вслед за ней. Их обеих обняла Галя, шмыгающая носом.

Через минуту Тамара Петровна, с трудом сдерживаясь, чтобы не присоединиться к ним, оттащила Галю и Наташу, и усадила Ларису в кресло. Лариса попыталась что-нибудь сказать, но только расплакалась еще сильнее.

– Поплачь, поплачь, – сказала Тамара Петровна, – сама ведь знаешь, слезы – лучшее лекарство. Одна сегодня кататься больше не будешь! Дома одна сидишь в четырех стенах, на работе – одна. Так и свихнуться недолго! Ездить будешь с нами, из машины выйдешь только когда наревешься вволю. Как врач говорю – выплакать все нужно. И не вздумай спорить!

– Белова, – ворвалась в кабинет старшая медсестра, но, быстро уловив контекст происходящего, осеклась.

– Я за нее, – откликнулась Наташа. – Я тоже фельдшер.

– Тогда быстро дуй с Семеном на Садовую вот по этому адресу.

Наташа вышла, а Тамара Петровна повернулась к старшей:

– Белова сегодня ездит со мной! Так себе и запиши!

– Тамара Петровна, – семенила за врачом старшая медсестра, – что там с Ларисой-то? Рассказала?

– Нужны мне ее рассказы. И так все ясно, – огрызнулась та.

– Все-таки бросил он ее, да? Ах, какой негодяй! Я так и знала! Лариска теперь всю жизнь по нему сохнуть будет. Натура у нее такая!

– Чушь! Клин клином вышибает. Появится другой: надежный и неженатый.

– Ага, – усмехнулась старшая медсестра, – и с серьезными намерениями. Таких всех еще в прошлом веке разбирали! Они...

Ее оборвал телефонный звонок.

– Скорая! – крикнула она в трубку.

Вернувшись, Тамара Петровна застала женщин заплаканных, но просветленных. Лариса немного оттаяла.

– Галя, – рывкнула Тамара Петровна, – марш умываться. – И кремом своим тональным намажься погуще. Сегодня разрешаю. А то у тебя лицо цветом вареного рака напоминает.

Галя подскочила к зеркалу, охнула и помчалась к умывальнику.

– Поедешь с нами, – сказала Тамара Петровна Ларисе. – Посидишь с водителем.

Лариса замотала головой.

– Ну конечно, если что-то серьезное, позовем и тебя. Не волнуйся. Ты же меня знаешь – всех запрягу.

Лариса слабо улыбнулась. И снова расплакалась, на этот раз уже от того, что ее любят и понимают.

В машине Тамара Петровна села рядом с Ларисой, обняла за плечи, прижала к себе и тихо бормотала всю дорогу:

– Поплачь, поплачь. Хотя ты теперь не плакать – радоваться должна. Все несчастья с тобой уже случились. А значит впереди тебя ждет – что? Правильно, самая большая радость. Иначе и быть не может. Самый темный час ночи – перед рассветом. И уж поверь мне, что Бог не делает – все к лучшему.

Машина затормозила у подъезда и Тамара Петровна, быстро поцеловав Ларису в щеку, вышла.

Прожив на свете сорок девять лет, Тамара Петровна так и не смогла понять, почему женщины выбирают порой столь неподходящих для счастья мужчин. Она выросла в большой и дружной семье, вышла замуж и вот уже без малого двадцать пять лет обзаводилась собственной большой семьей. Два года назад оба сына наградили ее обворожительными внучками. На праздники одного большого стола не хватало, ставили два. Выслушивая горестные любовные истории подруг и знакомых, она никак не могла взять в толк: как же так можно было ошибиться в человеке? Ей одного беглого взгляда хватало, чтобы понять: станет этот мужчина приличным мужем и отцом или нет.

Тамара Петровна вышла из лифта и нажала кнопку звонка. Ей открыл высокий молодой человек, несколько взъерошенный, с тревожным взглядом.

– Санников Николай Савельевич, – отчеканила Тамара Петровна.

– Да-да, – посторонился молодой человек. – Проходите.

Она посмотрела на него удивленно. Век живи, век учись: от молодого человека, показавшегося ей в первую минуту весьма славным, несло перегаром. «Ну что ж, – сказала она себе, – не считай, что знаешь все на свете. Жизнь всегда полна сюрпризов...»

Квартира оказалась чистенькой и уютной, а Николай Савельевич – солидным пожилым мужчиной весьма интеллигентного вида. Тамара Петровна покосилась на молодого человека: вид у него был смущенный, глаза – умные и грустные. Она быстро измерила давление старику, нахмурилась, набрала в шприц лекарство, засыпала вопросами:

– Часто это у вас?

– Впервые.

– Повышенные физические нагрузки? Вчера? Сегодня утром?

– У отца ноги парализованы, – осторожно вставил молодой человек.

Тамара Петровна сделала укол. Госпитализировать деда нужно было срочно.

– Значит так, – деловито начала она, – я сейчас схожу за носилками. А вы, – кивнула она молодому человеку, – нам поможете спустить...

– Не надо носилок – спокойно прервал ее Николай Савельевич. – Я никуда не поеду.

Сказал так, что Тамара Петровна сразу поняла: спорить бесполезно. На таких стариков она в своей практике насмотрелась. В принципе, она свое дело сделала, нужно подписывать бумаги об отказе и уезжать.

– Жена его дома? – спросила она резко.

– Мама умерла, – ответил молодой человек.

Сердце у Тамары Петровны на мгновение сжалось. Но паузы в такой момент особенно недопустимы, а потому она потребовала казенным тоном:

– Вы... Как вас зовут?

– Костя.

– Костя, нужно подписать бумаги, что ваш отец отказывается ехать в больницу. Пойдемте на кухню.

Санников-младший послушно написал все, что продиктовала ему Тамара Петровна.

– Теперь пусть отец подпишет и вы тоже, – сказала она.

Константин встал было, но тут Тамара Петровна дернула его за руку с такой силой, что он опустился на стул.

– Что вы себе думаете? – прошипела она. – Ваш отец в крайне тяжелом состоянии, понимаете? За ним нужно наблюдать: день или неделю – сколько потребуется. Нужно мерить давление через каждые полчаса, если будут показания – делать инъекции. Без этого он погибнет! Хотя случай совсем не смертельный. Он не должен погибнуть из-за своего упрямства и вашего равнодушного соучастия. Вы ведь уже потеряли мать...

Она осеклась. Молодой человек был бледен и держался, похоже, из последних сил.

Длинные черные ресницы вздрагивали, губы были плотно сжаты. Тамара Петровна потрепала его по руке.

– Уговори его, слышишь? Пойди, попробуй.

– Это бесполезно, – коротко бросил Костя. – Он и скорую-то не разрешал... Он не поедет. И я, – он замолчал на мгновение, стараясь справиться с собой, – я ничего не могу сделать.

Последние слова он произнес обреченно, словно подписывая самому себе смертный приговор. Людям не всегда можно помочь, – это Тамара Петровна усвоила давно. И уж точно нельзя помочь когда они сами этого не хотят. Молодые бывают глупы или упрямые, но на уговоры поддаются, а вот старики...

– Вы женаты? – спросила Тамара Петровна.

– Нет.

– Ухаживаете за отцом сами?

– Конечно. Да он и не подпустил бы никого другого.

– Намучались?

– Что? – не понял Костя.

– Давно это с ним? – сменила тему Тамара Петровна.

– Как мама умерла – уже два года.

– А лечить пытались?

– Вы же видите, – развел руками Костя.

– Хорошо! – радостно резюмировала Тамара Петровна.

– Что ж хорошего-то?

– Повезло вам сегодня, Константин! У меня фельдшер в машине без дела. Оставлю его вам. Пусть понаблюдает... Вот вам мой телефон. Вечером позвоните, расскажете что и как.

Костя ничего не ответил, но посмотрел так, что самые горячие слова благодарности ничего не добавили бы этому взгляду... Тамара Петровна не стала вызывать лифт – медленно спустилась по лестнице. Ее терзала мысль, что она вмешивается в чужую жизнь, что все это глупо...

– Лариса! – вид у Тамары Петровны был крайне озабоченным. – Тут такая неприятная история... Хорошо, что ты поехала с нами...

Костя едва сдержался, чтобы не расцеловать женщину, когда услышал про фельдшера. Господи, есть же на свете добрые люди! Ей ведь ничего не стоило подписать бумаги об отказе и уехать. И что тогда? Тогда он должен был бы сидеть и смотреть, как умирает его отец. Это было бы равносильно самоубийству.

Два года назад погибла мама. Когда-то она была инспектором по делам несовершеннолетних, и они с отцом волновались каждый раз, если она задерживалась на работе. Это, конечно, не оперативная работа, но все-таки... А в последние три года перед пенсией ее пере-

вели в управление. И они успокоились окончательно. Считали, что теперь ей ничего не грозит. А оказалось...

Автомобильная катастрофа, в которой ее крошечную «Оку» смял грузовик, произошла по ее вине. Водитель грузовика – молоденький мальчик – был в таком шоке, что долго не мог говорить членораздельно. По его словам мать ехала по дороге так, словно выбирала, в кого лучше врезаться.

Она действительно выбирала. Перекресток, скорость и отказавшие тормоза. Даже в такой ситуации она думала прежде всего не о себе, а о людях. Крутанув в сторону от автобуса и миновав встречную машину, врезалась в бок мощного грузовика.

Когда отцу сообщили, он упал – нырнул за матерью в небытие. Обморок длился всего несколько секунд, небытие отвергло его, вытолкнув обратно, но безумный его порыв – в ту же минуту последовать за любимой – позволил ему там за что-то крепко уцепиться и выволочь на свет божий несколько маленьких смертей.

Первая касалась его тела. Отказали ноги. Он проклинал свое здоровое, никакими болезнями не подточенное тело, которое в такой ужасный момент, когда ее сердце остановилось навсегда, даже протестовать толком не сумело: умерло лишь наполовину. Тело предало его, стало обузой.

Доктора говорили «нехарактерно», «стационарное обследование», «неврологическая природа». Но слова докторов, посещавших отца в эти самые тяжелые первые дни, проплывали мимо и разбивались о мамин портрет на стене. Она смотрела оттуда на докторов лукаво улыбаясь. А на отца – не смотрела... То ли фотограф попался не опытный, то ли что-то отвлекло ее в тот самый момент, когда полыхнула вспышка, но с какой стороны теперь не смотри на портрет, взгляд всегда был – мимо: убегающий, неуловимый. Тайная символика фотографии привлекала внимание отца куда больше советов докторов. В глубине души он надеялся на скорую встречу.

Вторая смерть касалась его души. Умерли все его желания. Целый месяц он даже с сыном не разговаривал. Лежал и смотрел в потолок, не понимая, какой смысл жить дальше...

Третья смерть... Если для отца гибель матери означала полную потерю смысла жизни, то для сына – ведь сыновья всегда переживают своих матерей, так заведено – только потрясением. В его жизни тогда уже был свой смысл – Марина. И заявление вот уже неделю лежало в загсе, и путевки на Кипр, куда собирались сразу же после отпечатаивания события в паспортах – куплены.

Они с Мариной так и не поженились. Костя сидел у постели отца, который целую неделю ничего не ел, молчал и смотрел в потолок. О дате регистрации брака он даже не вспомнил. До того ли ему было?

Разделить свое горе с Мариной он не мог. Они даже неприятностями не делились, а уж горем... Он не сумел сказать ей ничего вразумительного, она не сумела ни о чем спросить. Пожала руку, поникла, ушла. В комнате, где лежал отец, Марина была неуместна.

Когда горе, наконец, притупилось, Костя задумался о будущем. Первое, что следовало сделать – уйти из университета и плюнуть на докторскую. В двух кварталах от дома он видел вывеску «Психологическая консультация». Дай Бог, чтобы у них оказалась свободная вакансия. Работать он сможет лишь по несколько часов в день. Отца нельзя оставлять одного надолго. Дальше, нужно было купить гору крайне необходимых теперь вещей. Для начала хотя бы – кулинарную книгу. В первые же дни у плиты ему открылась истина, что для приготовления еды одних магических заклинаний не достаточно. Среди хлопот он успевал лишь изредка позвонить Марине. Пару раз они выпили кофе у него на кухне. И – все.

Через год, в первую годовщину смерти матери, Костя купил бутылку водки. Они выпили с отцом по стопке, посидели молча. А когда отец уснул, Костя ушел на кухню. Он впервые попытался реально оценить свое положение. Он не может жениться. Он не может привести

Марину сюда, к больному отцу. Не может обречь ее на роль его сменной сиделки. Он не может объяснить ей, почему нельзя нанять медсестру, чтобы присматривала за отцом, а самим жить у нее, отдельно. Будущего у него нет, надежды его умерли и он ничего не может с этим поделать. Костя достал стакан и к рассвету выпил почти всю бутылку. Утром болела голова, но боль эта не шла ни в какое сравнение с другой болью...

Он не знал, как сказать Марине... Впрочем, она ни о чем не спрашивала. Она отдалась постепенно, словно боясь причинить ему лишнее беспокойство. «Сейчас она могла бы быть моей женой, – думал он, глядя ей в след после коротенькой и пустой встречи. – Как бы это было?» Но тот другой мир, который недавно ждал его, распахнув свои объятия, теперь отвернулся, захлопнулся, не желая выдавать тайну своего счастливого бытия, оставляя его бедное разбитое сердце в полном неведении.

Вчера со дня смерти матери исполнилось два года. Он снова купил водки и снова допивал бутылку на кухне. Только на этот раз не терзался сомнениями. Теперь в жизни была полная определенность и никаких надежд. Да, он не позвал Марину, когда у него случилось горе. Но ведь и сама она не пришла. К чему лукавить? Кто бы ее выгнал, если бы захотела? А значит... Он пил тупо, быстро вливая в себя за стаканом стакан, вылил остатки в раковину и лег спать. И надо же такому случиться, чтобы на следующий день отцу стало плохо! Костя чувствовал себя омерзительно...

После ухода врача, Костя занервничал. Фельдшер – это, конечно, прекрасно. Но ведь отец ни за что не подпустит его к себе.

В дверь позвонили. Вот олух, выругал фельдшера Костя. Дверь открыта, а он названивает! И резко распахнул дверь...

На пороге, опустив голову, стояла девушка в зеленом халате и накинутом на плечи плаще.

– Здравствуйте, – сказала она, проходя мимо изумленного Кости, которому совсем не пришло в голову, что если слово фельдшер – мужского рода, то это вовсе не означает, что он непременно мужчина. – Где можно помыть руки?

И не успел Костя ответить, как она сама нашла ванную, и скрылась за дверью.

– Костя, кто там? – недовольно крикнул отец. – Опять врачи?

– Нет, папа, это ко мне! – ответил Костя из коридора и юркнул за девушкой в ванную, надеясь договориться о дальнейших совместных действиях.

Два метра ванной не оставляли места для маневров. А потому девушка, обернувшись, ткнула Константину в грудь, отступила на полшага – дальше было некуда, и вскинула голову.

Лицо ее было мокрым, вероятно, только что умылась, и слегка покрасневшим – очень похоже, что от слез. Костя как-то вдруг позабыл, что ему нужно. Стоял и молчал.

Пауза затягивалась и Лариса насторожилась:

– В чем дело?

Костя приложил палец к губам, и потянул ее за руку на кухню.

– Папе нельзя говорить, что вы врач. Иначе он вас не пустит.

Он приготовился к возражениям, но Лариса кивнула:

– Я в курсе. Тамара Петровна вкратце обрисовала ситуацию. Но, может быть, я попробую сначала убедить его?

– Это бесполезно. Но, кажется, я придумал... Если позволите, конечно. Я бы сказал ему, – Костя невольно улыбнулся, но тут из комнаты раздался голос отца, – я на минутку, стойте здесь и не двигайтесь.

– Послушай, – возмущался отец – оставь эту самодеятельность! Никаких врачей. Я же ясно выразил...

Но, присмотревшись к сыну, он вдруг усмехнулся:

– Что это с тобой такое? – и уже удивленно спросил: – Кто там?

- Девушка...
- Что за девушка? – отец проявил несвойственное ему в последнее время любопытство.
- Моя девушка.
- Марина?
- Тс, – Костя многозначительно поднял вверх палец. – Не совсем.
- Отец хмыкнул.
- Интересно, как это? Наполовину Марина, наполовину нет, что ли?
- Костя молчал, опустив глаза, и лихорадочно соображал, что и как отцу преподнести.
- Папа, – сказал он наконец. – Я не собирался говорить тебе этого сегодня, когда ты себя так плохо чувствуешь...
- Мне уже лучше, – быстро вставил отец. – Так что соберись.
- Ну, у меня появилась девушка. Ты ее не знаешь. Вот я и подумал, что неплохо бы тебе с ней познакомиться. Хотели сегодня... Вот она и пришла...
- Погоди, погоди. С каких это пор ты стал знакомить меня со своими девушками? – спросил отец и осекся. – У тебя... э... намерения что ли какие?
- Костя не очень уверенно кивнул. Отец задумался.
- Раз так, надо бы познакомиться, – сказал он. – Хотя вряд ли она придет в восторг от лицемерия моей персоны.
- Только маленькая загвоздка, – предупредил Костя. – Она работает на скорой помощи. Взгляд отца стал подозрительным.
- Это ловушка?
- Пап, я же сказал: мы с ней договорились давно. У нее выходные редко. Кто знал, что именно сегодня так все сложится? Просто – совпадение!
- Ладно, – протянул отец, – меня не проведешь, сам разберусь. И давно ты с ней встречаешься?
- С месяц.
- Хм... А зовут ее как?
- Сейчас приведу, сама скажет, – Костя поспешил к двери, ругая себя за то, что не успел узнать имени девушки.
- Погоди, ты там хотя бы чайку организуй...
- Костя вышел, прикрыв за собой дверь. На кухне он тяжело вздохнул:
- Вы уж извините, я вас представил своей невестой.
- Умнее ничего придумать не смогли? – раздраженно спросила Лариса.
- Времени не было. Зато теперь он сам хочет с вами познакомиться и можно будет наблюдать за ним. Кто знает, может даже позволит давление измерить, если вы ему понравитесь...
- Ладно, пошли уж.
- Погодите. Нам бы хоть познакомиться сначала, чтобы не проколоться. Я даже не знаю, как вас зовут.
- Лариса. И еще наверно, нужно перейти на «ты», раз уж так вышло.
- Правильно, – оценил Санников. – Мы познакомились месяц назад... Только вот где?
- А кем вы... ты работаешь?
- В психологической консультации.
- Вот там и познакомились, чтобы не мудрить.
- Значит, я после консультации пригласил тебя выпить чашечку кофе.
- Нас что, станут расспрашивать о том, как мы провели день знакомства? По минутам?
- Кто его знает! – улыбнулся Костя. – Что еще я обязан о тебе знать? О! Наверно я уже знаком с твоими родителями?
- Нет, – отрезала Лариса.
- Почему?

– У меня нет родителей. Я выросла в детском доме.

Костя растерялся.

– Извини...

– Вопрос закрыт, идем.

Лариса пошла вперед, но перед дверью в комнату отца остановилась. Ей очень не хотелось лгать пожилому больному человеку, и единственным оправданием она считала то, что эта ложь во благо, на пользу его здоровью. Но что бы она ни думала, ей было не по себе. Лариса обернулась к Косте. Он улыбался. Почему-то эта улыбка ее очень смутила и она немного растерялась. Тамара Петровна говорила – у него мать умерла, а теперь вот отец в тяжелом состоянии. А он улыбается! Чему? «Тебе», – подсказал внутренний голос. И Лариса ухватила за ручку двери, как за спасательный круг...

– Ну, здравствуйте, – Николай Савельевич попытался сесть в постели.

– Нет, нет, – тут же подбежала к нему Лариса. – Вам ни в коем случае нельзя подниматься. Костя рассказал мне, – добавила она извиняющимся тоном.

И совсем уже смущенно пробормотала:

– Извините, что я вмешиваюсь. Только – не надо, ладно?

Константин внимательно наблюдал за отцом. Еще мгновение – и он выгонит девчонку так же, как выгнал последнего доктора, того самого, который советовал ему лечь в больницу на обследование. Похоже, они проиграли с первой же минуты... Что ж, признаться, он и не ожидал ничего другого.

Но к его великому удивлению, отец послушно лег и подмигнул Ларисе.

– А вы хороший врач?

– Пока никто не жаловался, – сказала она, поправляя его одеяло. – Очень приятно с вами познакомиться. Меня зовут Лариса.

– А меня – Николай Савельевич. – Может чайку сообразим, а, сын?

– Вам нельзя, – тут же встала Лариса.

У Кости сердце снова замерло: сейчас уж точно выгонит. Но отец и здесь уступил:

– Себе чаю сделайте, а мне дайте то, что можно.

– А я вам сейчас скажу что можно, – не растерялась Лариса. – Дайте мне только руку.

– Гадать собираешься?

– Гадать. По пульсу, – не растерялась Лариса.

Лариса считала пульс и дважды сбивалась. В конце концов, она с задачей справилась, но результат ее расстроил. Несмотря на укол, сделанный Тамарой Петровной, состояние Николая Савельевича почти не изменилось. А значит, в скором времени нужна будет еще одна инъекция. Интересно, как объяснить ему откуда у Ларисы с собой необходимое лекарство, шприц и прочие доспехи медицинского работника?

– Вам уже лучше, – соврала она. – Но чаем все-таки злоупотреблять не следует. Сейчас что-нибудь придумаем.

Они с Костей отправились на кухню. Он поставил чайник, а Лариса перебирала содержимое своего саквояжа. Можно попробовать развести таблетку в сладкой воде, чтобы он не догадался. Можно еще что-нибудь придумать. Но почему-то она была уверена в том, что если скажет старику правду, он не выгонит ее, и спокойно позволит сделать все необходимое: и давление измерить, и меры принять.

– Слушай, – обратилась она к Косте, – может, скажем ему правду? Он такой милый, и послушный вроде. Не хочется его обманывать.

– Ни в коем случае! – отрезал Костя. – Все его милости – к будущей невестке, а не к постороннему врачу со скорой.

– Врач со скорой не может быть посторонним, – поправила Лариса. – А вдруг понадобится инъекция? Что тогда?

– Тогда и придумаем что-нибудь, – вздохнул Костя.

Он пристроил у кровати отца раскладной столик и Лариса помогла накрыть его к чаю. Николай Савельевич грыз сухарь и поглядывал на Ларису.

– Ну, как, – спросил он, – не смущает вас жених с таким приданным как я?

– А что такое? – встрепенулась Лариса. – Разве вы плохой отец? Костя рассказывал, что вы замечательный. Или это не правда?

– Гм, находчивая... А то, что я как дитё малое? Обуза ведь...

– Да разве дети бывают обузой?

– Жить со мной станете или сдадите меня куда?

Лариса внутренне замерла. Она прекрасно понимала, что старик проверяет ее «на вшивость». Но одно дело излагать свою точку зрения на вещи, и совсем другое – давать конкретные обещания, которых выполнить не сможешь. Но деваться было некуда.

– С вами, – она произнесла эти слова спокойно и уверенно.

Николай Савельевич улыбнулся и вздохнул.

– Если честно, – сказал он, – собственная судьба меня не очень-то и волнует. В конце концов, дом престарелых не самое худшее место в мире.

Костя попытался возразить, но отец лишь отмахнулся.

– И еще хочу сказать: я очень рад, что не помер сегодня. Потому что теперь мне охота дожить до вашей свадьбы, и увидеть наконец своего сына счастливым.

Лариса закусила губу, чтобы сдержать непрошенные слезы. Николай Савельевич говорил с таким чувством, что сказать ему теперь правду не представлялось возможным. То есть сказать правду означало бы то же самое, что объявить больному человеку: «Извините мол, нет у вас той цели впереди, ради которой вы жить вознамерились, так что...» Она поднесла к губам чашку и отхлебнула большой глоток, забыв о том, что чай очень горячий. Горло обожгло, но слезы, выступившие на глазах, теперь вроде бы были оправданы.

– Лариса, – снова обратился к ней Николай Савельевич, – расскажите о себе. Костю не допросишься, я знаю. А старческое любопытство – вещь назойливая...

– Во-первых, вы никакой не старик, – ответила Лариса. – А во-вторых, рассказывать-то особенно нечего. Я выросла в детском доме, потом окончила медицинское училище и вот работаю на скорой. Это все.

– Наверно, тяжело пришлось в детстве? – с пониманием спросил Николай Савельевич. – Обижали, да и голодно...

– Что вы, у нас были самые замечательные учителя. А директор нам всем была как мать родная.

– Надо же, – удивился Николай Савельевич, – а как телевизор посмотришь, кажется, что детские дома...

– Нет, – отрезала Лариса. – Мы жили как семья. И я всех их до сих пор очень люблю.

– Значит, у вас совсем никого из родных нет?

– У меня есть тетя, – ответила Лариса неохотно.

– Не понимаю. Почему же вы тогда росли в детском доме?

Лариса нахмурилась.

– Она не знала, что я в детском доме. Но она меня искала...

– Значит вы живете с тетей?

– Тетя живет в доме престарелых, – Лариса опустила глаза.

Николай Савельевич и Костя переглянулись, но никто не решился задать вопрос, вертевшийся на языке. Лариса почувствовала возникшее напряжение и грустно усмехнулась.

– Я не могу вам этого объяснить, – сказала она, – потому что сама не понимаю. Жили с ней хорошо, ни разу не поссорились. А год назад она вдруг объявила, что переезжает.

– Но ведь она как-то объяснила это? – спросил Николай Савельевич.

– Нет. Я решила, что из-за меня. Обещала уехать, снять комнату. Но она все твердила, что я тут ни при чем. Что даже если я уеду, она в этой квартире не останется.

– Но вы ведь навещаете ее?

– Нет. Она запретила. Я звоню туда, посылаю передачи.

Тут наконец подал голос Костя. Пока отец допрашивал Ларису, он сидел в прострации, переводя взгляд с одного на другого. Девушка с первого взгляда произвела на него сильное впечатление, но он до сих пор не мог понять чем, как и почему. Красавицей она не была, на вопросы отвечала просто, вела себя сдержанно, но что-то в ней было такое милое и детское, такое знакомое и родное. Присматриваясь к гостье, Костя давно заметил, что лицо у нее заплаканное и теперь ломал голову над причиной ее слез. Но тут Лариса попала в затруднительное положение, и он решительно заступился за нее:

– Как психолог могу сказать: пожилые люди нередко страдают старческими деменциями. Их причуды – только начало заболевания.

– Надеюсь, ты не меня имеешь в виду, – мрачно заметил отец.

– Конечно не вас, – тут же подхватила Лариса. – Хотя, согласитесь, у вас тоже есть причуды...

– Это он вам сказал?! – Николай Савельевич вонзил палец в сына.

– Сама вижу. Как это можно махнуть на себя рукой и отказаться от всякого лечения?

– Почему же от всякого? – хитро прищурился Николай Савельевич. – Если бы все врачи были такими как вы...

– Тогда вы позволили бы? – осторожно спросила Лариса.

– Позволил – что?

– Ну, хоть давление померить...

– Да ради Бога! – развел руками Николай Савельевич.

– Я сейчас! – Лариса нырнула за дверь.

Оставшись наедине с сыном, Николай Савельевич тихо сказал:

– Ну, что молчишь, бестолочь? Скажи мне, что она носит с собой все медицинское снаряжение, даже когда идет в гости.

– Папа... – Костя не знал что ответить.

– Какая девушка! – с чувством протянул отец, показывая глазами на дверь. – Неужели не твоя?

– Пап, ты прости...

– Ничего не знаю, ни о чем не догадался, и ты мне ничего не говорил. Понятно? Никого кроме нее возле себя видеть не желаю. Уйдет – помру.

– Ты серьезно? – Костя уже не понимал, шутит отец или нет.

– Серьезно! Я не вынесу, глядя, как ты упускаешь свое счастье.

– Да кто тебе сказал...

– Дурень...

Вернулась Лариса. Она сияла как школьница. Николай Савельевич притворно вздохнул и, закатав рукав рубахи, протянул ей руку.

Лариса измерила давление, шевельнула губами, что-то подсчитывая, и с легкой тревогой сказала:

– Таблеточку бы надо...

– Да у нас дома отродясь лекарств не водилось, кроме аспирина.

– У меня есть, – ложь давалась ей с трудом и она покраснела. – Ношу в сумочке на всякий случай.

– Тогда – давай, выпью. Что-то я и вправду чувствую себя не лучшим образом. Может быть засну после таблетки, а вы пока ужин приготовите. Есть-то мне можно?

Отец и вправду вскоре уснул. Лариса с Костей ушли на кухню.

– Там портрет на стене, – спросила она, глядя как Константин ловко управляет плитой. – Это твоя мама?

– Да. Она погибла в автомобильной катастрофе. Знаешь, после маминой смерти ты, пожалуй, первый человек, с которым отец разговаривает...

– Костя, – сказала Лариса, – ты же понимаешь, у меня работа... Сегодня меня отпустили... по личным обстоятельствам. Завтра у меня свободный день, я могу посидеть у вас. Но потом...

Не оборачиваясь и орудуя большим ножом для резки мяса, Костя ответил:

– Ты не волнуйся. Во-первых, я ведь сказал ему, что ты работаешь. Он поймет. А во-вторых, он не захочет, чтобы ты стала его нянькой или сиделкой.

– Даже если я твоя невеста?

– Тем более не захочет, – улыбнулся Костя, обернувшись, и тут же сморщился от боли, рассадив себе руку.

Рана-то была пустяковая – срезал только кожу с пальца, но кровящи... Лариса деловито достала перекись и пластырь, взяла его за руку... Он уставился на ее руки, ласково касающиеся его пальцев как дурак. Интересно, если он ее сейчас поцелует, она сбежит? Конечно, сбежит! А может – нет?

– Ты лучше отвернись, – неправильно расценив его бледность, посоветовала Лариса. – Это может показаться смешным, но от вида крови чаще падают в обморок именно высокие и сильные мужчины.

Он отвернулся. Но каждое прикосновение ее пальцев вызывало разряд электричества, проносившийся по телу.

Пока готовилось мясо, Костя пригласил Ларису в свою комнату.

– Вон то кресло – особенное. Лучше нигде не отдохнешь. Занимай его, а я – сейчас.

Лариса удобно устроилась в кресле. Кресло оказалось мягким как пластилин и повторило изгибы ее тела. Ничего лучшего ей сейчас и предложить не могли. Разве что парочку бутербродов – с раннего утра во рту не было маковой росинки.

Она осмотрелась. Справа от нее стоял небольшой столик с самыми разными предметами. Коробочка с двумя большими шарами из нефрита, флейта, три колокольчика и...

Вам случалось когда-нибудь наткнуться на вещь, знакомую по детским воспоминаниям? Это удивительно как все внутри переворачивает. Помнится, одна знакомая застыла в Третьяковке перед картиной Топильского «Княжна Тараканова». Все вокруг вздыхают: вот она сила искусства. А дело в том, что девушка детство провела у бабушки. Дети народ любопытный, им впечатлений сколько бы ни было, а – мало, вот они и фантазируют про вещи, которые их окружают, и каждая вещь поэтому в память врезается намертво. У бабушки в комнате стоял дубовый сундук, оклеенный изнутри репродукциями и картинками из журналов. И в самом центре – она – красивая женщина, в глазах – ужас, а у ног вода и мышки. Девушка выросла и не знала, что это знаменитая картина. А в музее застыла. «Княжна Тараканова». Девушка на нее лишь взглянула, сразу же почувствовала запах нафталина и все свое детство вспомнила...

Вот и Лариса. На столике она вдруг наткнулась на вещь, которую знала с детства. Она понятия не имела, как эта вещь называется, потому что звала ее в детстве «кружилка». Потом, став взрослой, она больше нигде и никогда не встречала такой игрушки, а потому решила, что игрушку смастерил кто-то из учителей.

Но теперь перед ней стояла точно такая же тарелочка с черной закрученной спиралью. Лариса прекрасно знала, что если тронуть ее, она начнет медленно вращаться. В детстве, когда Марта показывала ей как тарелочка кружится, Лариса приходила в восторг. Дотянувшись до стола, она тихонько коснулась диска пальцем. Диск поплыл, спираль, извиваясь, заманивала ее внутрь воронки. В голове как-то разом прояснилось, на душе стало светлее, а губы расплывались в улыбке. Лариса прикрыла от удовольствия глаза, а когда снова открыла их, Санников стоял на пороге с бутербродами.

– Это твоя игрушка? – спросила Лариса,

– А почему игрушка?

– У меня была в детстве точно такая же.

Санников удивленно поднял брови:

– Интересно, кто тебе ее подарил?

– Мне ее не дарили. Но я помню, как Марта часто звала меня поиграть с ней. А почему ты на меня так смотришь?

– Потому что эта штукавина помогает погружать человека в гипнотическое состояние. Тебя в детстве подвергали гипнозу?

– Слова-то какие! – проворчала Лариса недовольно. – Подвергали! Да играли мы с ней просто.

– Как?

– Она рассказывала мне сказки, а я смотрела на «кружилку», – быстро ответила Лариса. – И знаешь, я ведь об этом раньше никогда не вспоминала...

– А вспомнила только сейчас, посмотрев, как крутится диск, – добавил Санников.

– Да.

– А какие сказки тебе рассказывали?

Лариса задумалась.

– Ну, про Красную Шапочку, про серого волка, про бабу-ягу?

– Нет, – покачала она головой. – Совсем не то. Что-то жуткое и волшебное. А сути я не помню.

– Очень интересно, а как...

– Почему ты меня расспрашиваешь? Я же не на приеме у психолога!

– Тебе не кажется странным, – вкрадчиво начал Константин, но Лариса не дала ему договорить:

– Я не собираюсь обсуждать с тобой свое детство. Психологию нам в училище преподавали. Я со своими проблемами сама справлюсь.

– Ты уверена?

– Абсолютно!

После ужина Лариса снова измерила Николаю Савельевичу давление и дала таблетку. Она наотрез отказалась остаться ночевать у них в свободной комнате, но обещала непременно появиться завтра с утра.

– Лариса, вы бы дали мне адресок своей тетушки. Может быть, я попробую с ней поговорить, – попросил Николай Савельевич на прощание.

Лариса как утопающая посмотрела на Костю, но все-таки продиктовала адрес. Отец настоял, чтобы Константин проводил девушку домой, потому что на улице было совсем темно, и еще потому что так было принято в годы его молодости. Отказаться Лариса не посмела. На сердце было радостно от того, что именно ей удалось заставить этого милого чудака пожить подольше.

Она записала для Кости свой телефон.

– Если тебе только покажется, что ему стало хуже – звони в любой момент. Не прощу себе, если что-нибудь случится...

– А как у него с перспективами?

– Очень неплохо. Еще денек понаблюдать – и достаточно.

Они медленно брели по улице. До дома Ларисы ходил трамвай – две остановки. Но ждать его можно было до второго пришествия и она предложила идти пешком.

– Знаешь, о чем я подумала? Твой отец собирается поговорить с моей тетей.

– Ну и что?

– О чем?

– Кто его знает, – рассеянно сказал Константин, и Лариса удивленно посмотрела на него снизу вверх.

– Но он может представиться отцом моего жениха, – подсказала она.

– А что в этом плохого?

Лариса хотела возмутиться, да почему-то не вышло.

– Ты не собираешься на мне жениться, – напомнила она Косте.

– Не уверен, – ответил он и оба, немного напряженно, рассмеялись.

– Кстати, мы пришли. Здесь я живу.

– Спасибо за все, – сказал Санников.

– Пока, – Лариса вошла в парадную прежде, чем он успел придумать разумный предлог, чтобы удержать ее хотя бы ненадолго.

Каждая ступенька давалась ей с большим трудом. Она могла бы поспорить, что Костя смотрит ей вслед. Кажется, с ней уже такое случалось...

Глава 4

– Коля, – кричала Нина Анисимовна в шипящую трубку, – это я, Нина. Слышишь? А я тебя почти нет. Ну тогда говорить буду я, хорошо? Что? А который час?

«Батюшки!» – пробормотала она себе под нос, бросив взгляд на часы: половина двенадцатого.

– Коля! Речь идет о жизни и смерти, слышишь? Нет, нет. Да послушай ты меня: на самом деле! Разумеется мне больше обратиться не к кому, коли я звоню тебе ночью.

На его реплику она изобразила зеркалу, висевшему напротив, последнюю степень горестного раскаяния и сказала в трубку:

– Конечно, ты мне нужен как врач. А как ты догадался?

Снова – зеркалу – гримаса умирающего от стыда, и – снова в трубку:

– Коля, не до шуток! Нет, подробно не могу. Конечно, возьми инструменты. Какие? – Нина Анисимовна обернулась на Марту. – Вези все, что найдешь. Очень тяжелый.

Она прокричала в трубку адрес и, осторожно положив ее на рычаг, на цыпочках пошла обратно в комнату, словно это могло компенсировать шум, который она только что произвела. Марта зашевелилась и открыла глаза.

– Мне показалось, – пролепетала она, – вы с кем-то разговаривали.

– С зеркалом, – махнула в сторону прихожей Нина Анисимовна. – Как вы?

– Воды, – попросила Марта. – И... вы взяли ключ?

– Нет, он у вас на цепочке.

– Заберите его. Там на антресолях...

Она не договорила, уронила голову и закрыла глаза. Нина Анисимовна склонилась над ней и перестала дышать, чтобы понять дышит ли она. Ей до одури хотелось, чтобы Марта дождалась Николая, чтобы он пришел не напрасно и весь этот ужас кончился разом от одной какой-нибудь волшебной инъекции. Марта дышала часто, как рыба, выброшенная на песок. У Нины Анисимовны разрывалось сердце. Она села к ней поближе, взяла за руку. В таких случаях, кажется, нужно разговаривать с человеком. Тогда он заслушается и не сможет покинуть этот мир. Эту версию она придумала сама, несколько лет назад, посмотрев какой-то фильм, но верила в нее гораздо больше, чем в Евангелие. Говорить незнакомому человеку, мол, не уходи, не покидай меня, было глупо. С какой стати ему тогда оставаться? Но что-то же должно его заставить...

Нужно было только найти тему, слова отыщутся сами. Нина Анисимовна подумала о лете, о том, что оно только что кончилось и о том, как было бы славно для всех дожждаться его снова. Лето она проводила в большом старом доме, вокруг которого пели под ветром высокие сосны и понуро бродили непомерно раздавленные в боках коты. Собак районных знала всех до одной, впрочем, так же, как и они ее. Каждой давала имя и они как-то сразу откликались на Шариков и Полканов, словно так их и звали от рождения.

Она заговорила вслух, описывая Марте в мельчайших деталях картину летних прелестей, рожденную ее воображением. Она говорила то быстро, то надолго погружаясь в задумчивость, будто припоминая некое ощущение или образ. Пересказ видения лишил ее чувства реальности, время растворилось в сизом летнем утреннем тумане, а потому когда в дверь позвонили, сердце ухнуло аж куда-то вниз живота, забилося тревожно и ей не сразу удалось справиться с дверной цепочкой трясущимися руками.

– Никогда не спрашиваешь – кто! А вдруг грабители? – напустился на нее маленький старичок, ставя саквояж на табуретку и снимая ленинскую кепку. – Что стряслось?

– Там, в комнате, посмотри сам, – виновато пригласила Нина Анисимовна.

Николай Иванович не вошел в комнату, лишь посмотрел с порога на Марту и отправился в ванную.

– Какая температура? – деловито осведомился он, моя руки.

– Не знаю.

Николай Иванович бросил на нее неодобрительный взгляд.

– Диагноз известен?

– Пулевое ранение.

Николай Иванович закрыл кран и некоторое время стоял, неподвижно глядя перед собой.

– Неосторожное обращение с незарегистрированным оружием? – с надеждой в голосе спросил он.

– Нападение.

– А в больницу?

– Нельзя.

Николай Иванович закрыл глаза и покачал головой:

– Нина, что ты со мной делаешь! Я старый человек, у меня у самого тридцать три болезни... Она что, мать бритоголового авторитета?

Нина Анисимовна пожала плечами.

Николай Иванович осмотрел руку Марты, измерил ей температуру, взял кровь и тут же произвел с ней какие-то магические действия, переливая из пробирки в пробирку, разбавляя и снова переливая.

– А если она умрет? – спросил он после этих процедур и не получив ответа, вернулся к Марте. – Ты бы вышла, не люблю, когда кто-то под рукой, ты ведь знаешь.

– Хорошо, хорошо, – Нина Анисимовна торопливо прошла к двери и задержалась на пороге: – Есть надежда?

– Надежда есть.

Она плотно закрыла за собой дверь и только теперь заметила, что в руках все еще держит цепочку с ключиком, снятую с Марты.

Антресоли.

Нина Анисимовна внимательно обследовала стены. Нет тут никаких антресолей...

Николай Иванович через некоторое время тоже вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь. На лбу его блестели капельки пота.

– Я сделал что мог. Теперь все зависит от нее, – сказал он.

– А что может она?

– Она может выжить, – раздраженно пояснил Николай Иванович. – Или нет. И тогда...

– Я все возьму на себя. Я скажу, что застала ее...

– Нина! Мне уже столько лет, что я ничего не боюсь, – отмахнулся он. – И потом, какое имеет значение, что будет, если...

Он посмотрел на Нину Анисимовну и, смягчившись, потрепал ее по руке.

– Когда речь идет о жизни человека, такие мелочи, как объяснения с органами правопорядка и правосудия, не имеют значения, так ведь?

– Да, – она вздохнула.

– А теперь расскажи мне, как ты в это впут... ну, словом, как ты сюда попала?

Нина Анисимовна вкратце поведала Николаю Ивановичу о событиях вчерашнего вечера.

– Почему же она не вызвала скорую?

– Мне показалось, что она скорее умрет, чем туда обратится.

– Почему?

– Не знаю. Но могла бы узнать, возможно, если бы ты подсказал мне, где в этом доме антресоли.

Они вместе обследовали квартиру.

– Ничего нет. А с чего ты взяла, что они здесь должны быть?

– Марта сказала.

– Ага, значит она была в сознании?

– Да.

– Хорошо, – он что-то прикинул и вдруг потянул Нину Анисимовну к себе. – Смотри, – сказал он, указывая куда-то на потолок. – Видишь?

– Стена.

– Обои!

– Что обои?

Николай Иванович снял очки и протянул Нине Анисимовне.

– Кажется, раньше тебе мои подходили.

Нина Анисимовна надела очки и снова посмотрела под потолок. Теперь ей показалось, что обои наверху чуть-чуть отстают. Она влезла на стул, всмотрелась внимательней и, протянув руку, неожиданно легко подняла кусок обоев, прикрепленный к антресолям наподобие занавески. Пошарив на открывшейся ее взгляду полке, она вытащила три толстые тетради и, отдуваясь радостно, спустилась на пол.

– Возможно, теперь мы узнаем ответ, – сказала она, возвращая очки.

– Ты узнаешь ответ, – поправил Николай Иванович. – Мне чужих тайн даром не надо.

– Но ведь...

– Нина, ты здесь уже давно и толку от тебя сейчас – никакого. Сделаем так: ты ведь живешь совсем рядом? Иди домой, полистай это, – он ткнул в тетрадки. – А я останусь дежурить. Возвращайся около девяти утра, примешь вахту. Думаю, к тому времени что-нибудь да прояснится.

Глава 5

Лариса вошла в квартиру и осторожно подкралась к окну. Ей хотелось, чтобы Костя ушел не сразу, чтобы постоял немного под ее окнами. Глупо, конечно, но все равно хотелось. У парадной она никого не увидела, и отошла от окна разочарованная. Но в ту же минуту раздался звонок в дверь.

Лариса затаила дыхание. Неужели он поднялся вслед за ней? И что теперь делать? Сердце забилося до неприличия быстро. Она даже рассердилась на себя: точно девочка. И на него за одно: что за глупости?! Пока открывала дверь, заметила, что руки совсем ледяные, а щеки горят – и окончательно растерялась: как же себя вести?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.